

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

БЕСПОДОБНАЯ ПЯТИЛЕТКА

Прощание с имперской традицией

ДИТЯ ЗАСТОЯ

Апология прошедшего времени

ОТ ОКТЯБРЯ К ФЕВРАЛЮ?

Нереволюционные речи

ISSN 0320 8001

4/90

IGOR SMIRNOV

В НОМЕРЕ:

<u>Почта</u>	
«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»	2
<u>Перестройке пять лет</u>	
А. ФАДИН. ДЕМИСТИФИКАЦИЯ ВЛАСТИ	8
Г. ГУСЕЙНОВ, Д. ДРАГУНСКИЙ, В. ЦЫМБУРСКИЙ. УПАДОК ЦЕНТРА ИЛИ РАСПАД РЕСПУБЛИК?	12
С. КОРДОНСКИЙ. ТРИ МИФА И ЧЕТЫРЕ КИТА ПЕРЕСТРОЙКИ	19
Л. АРТЮШЕНКО. «ИДУ НА ДЕЛО»	27
А. ПОЛИКОВСКИЙ. РЕВОЛЮЦИЯ ПЕНСИОНЕРОВ	30
<u>Беседы в редакции</u>	
Л. САРАСКИНА, А. КАБАКОВ. ОТ ОКТЯБРЯ К ФЕВ- РАЛЮ?	34
<u>Эссе</u>	
Г. ПАВЛОВСКИЙ. ДИТЯ ЗАСТОЯ	40

*На внутренних страницах обложки — рисунки Игоря СМИР-
НОВА (Москва).*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

«Уважаемая редакция...»

Инфляция гласности

«Инфляция» по-русски означает «вздутие». В один прекрасный день «прозревшие» обществоведы обнаружили на невинном лице советской экономики такой же флюс, какой они привыкли разглядывать на физиономии ее западного визави. Об инфляции заговорили. И вот уже многие дозрели (кто теоретически, а кто на практике) до осознания того, что вздутие денежного рынка сопровождается похуданием в других местах социального организма.

В природе все взаимосвязано. Как ни тривиальна эта мысль, реальность, лежащая в ее основе, всегда поражает: «растут доходы» пропадают товары, увеличивается количество жилья меньше людей порядочных, больше читающих — меньше думающих... На смену соцреализму пришел «соцразоблачизм» своеобразная форма литературного раскулачивания. Дешевый пафос взвинтил спрос на плоский эпос. Глобальность мышления, не так давно наполнявшая «толстые» журналы, лопнула как мыльный пузырь. Каких-нибудь четыре года назад мы с

удовлетворением внимали перспективам развития на десятки лет. Теперь все потонуло в брызгах сиюминутного. Самый трезвый политик тот, кто ничего не обещает.

Очередная ирония Истории: все знают, как надо было жить раньше, но никто — как дальше. «Идеалов не было — были идолы». И вот, реальность вчерашнего дня сменилась ирреальностью сегодняшнего, рациональность прошедшего иррациональностью настоящего. Вместо «счастливого будущего» мы воздвигли «темное прошлое» и молимся на него с прежней неистовостью.

Все мельчает, даже преступность говорят, в тюрьмах и лагерях основную массу сейчас составляют хулиганы и насильники. Национальное самолюбие распирает деморализованное население. Нравственность же усохла камбалой на песке. Разложение нравственности предшествовало падению Рима — устоит ли перед этой эпидемией третий Рим?

Валерий ЗЕЛИНСКИЙ,
г. Кишинев.

Много партий — но каких?

«Хоронить и молчать» название полного горечи офорта Гойи из цикла «Бедствия войны». Раз увидев, нельзя уже забыть трагических фигур нескольких оставшихся в живых, ко-

торые только одним могут воздать убиенным: молча предав их земле. В офорте запечатлена вынужденность этой позиции бессловесного погребения, но мне, кроме всего прочего,

она всегда казалась самой естественной и человеческой. Даже если никто не затыкает тебе рот — все равно, проводи молча и не говори ничего лишнего. Слова неуместны. И если я решаюсь единственный раз отойти от этого принципа, то только потому, что постигшая нас утрата ставит вопросы, от которых не отмолчишься. Смерть Сахарова властно требует построить общество в соответствии с теми идеалами, за которые он отдал жизнь. Не совершить конкретных дел, направленных на принципиальную защиту прав каждой личности, стало бы оскорблением его праху.

По этому поводу я и хочу сказать несколько слов. Одним из вопросов, волновавших Сахарова в последние дни, был вопрос отмены Шестой статьи Конституции. Но развитие событий, как мне кажется, развивает этот вопрос и возвращает его до другого — не об отмене, а о **замене** Шестой статьи.

Отмена Шестой статьи, сняв принцип «руководящей и направляющей роли» КПСС, двинет общество в сторону принципа многопартийности. Но никто не поручится, что роль «непогрешимой» и потому подавляющей права граждан не захватит та или иная новая партия или общественная сила, раз не будет никаких конституционных норм ограничения ее деятельности. Поэтому взамен Шестой надо ввести статью о соответствии **любой** могущей возникнуть в будущей партии или организации демократическим нормам, и о недопустимости партий, способных стать рычагами подавления демократии.

Принцип этот может быть сформулирован и проводим в жизнь по-разному. Здесь имеется огромный международный опыт. Главное — чтобы ни одна из партий не оказывалась выше этого принципа.

Естественно, такому пересмотру на соответствие нормам демократического общества должна будет под-

вергнута и КПСС. И это заставит ее ответственной относиться к своим позициям. Ведь совершенно ясно, что в своем прежнем виде — как партия сталинского или брежневского толка — она была бы нетерпима в любом правовом обществе.

Ясно также и то, что нынешняя партия — это уже не партия прежних времен, хотя и многое от тех времен сохраняющая. И если она собирается идти по пути возведения правового общества, то ей, в случае предлагаемой замены Шестой статьи, нечего опасаться. Если же нет — только сами коммунисты будут виноваты в том, что в будущем обществе их деятельность окажется резко ограниченной.

Для того, чтобы определить пути и способы ограничений деятельности антиконституционных партий, нужно услышать мнение каждого. Каждый должен ответить на два вопроса. Первый: какой бы он хотел видеть партию, отвечающую его общественным устремлениям и поддерживающую его в его свободном волеизъявлении, объединяющую со свободно выбранными единомышленниками. Второй: какая партия или партии видятся ему явно способными ущемить его гражданские права в случае их (этих партий) возникновения. Я сознательно избегаю четких и окончательных формулировок, потому что одиночное мнение не в силах охватить всю гамму и очень легко может проехать краем колеса по правам тех или иных групп населения и отдельных людей. Тем не менее, мы обязаны, наконец, поставить твердую преграду сползанию общества в трясину фашизма — будь то фашизм классовый, расовый, технократический или другой его тип, возникающий из претензий на единовластие.

Алексей БИРГЕР,
поэт, переводчик,
г. Москва.

Нужны ли партии долгожители?

Современная история, да и история вообще, свидетельствует, что долгосрочные прогнозы и планы не исполняются. Вопросы, которые ставят жизнь, всегда очень конкретны, каждая новая эпоха требует новой тактики.

В связи с этим, возникает сомнение в необходимости таких общественных организаций как партия современного типа. Задачи, которые партия ставит перед собой, требуют для своего решения десятки лет. С учетом этого партийные структуры строятся аналогично государственным — с громоздким аппаратом управления, вертикальной иерархией и т. д. и т. п. Причем в дальнейшем цели таких учреждений трансформируются в единственную — сохранить себя во что бы то ни стало.

Наблюдая за работой всевозможных комиссий, созданных для борьбы с очередным злом, мы видим, как противоборствующие в них стороны постепенно вступают в некий прямо-

таки биологический симбиоз, оба члена которого стремятся теперь не уничтожить, а сохранить выгодное для каждой состояние противоборства.

На мой взгляд, есть смысл сообща подумать о создании общественных организаций на иной основе — типа лиг быстрого реагирования, центров по проблемам. Их возникновение, как правило, должно иметь целью решение какой-нибудь конкретной задачи и прекращаться при ее разрешении. Недопустимо участие в них функционеров (то есть лиц, занимающихся проблемой, которая их лично не затрагивает). Мне кажется, наиболее эффективную борьбу способны вести только люди, которых заставляет нужда. Потому что знать о нуждах (а разве бюрократия не знает?) и ощущать их — разное дело.

В. СТЕПАНОВ,
г. Тамбов.

Пределы свободы

Человека, собравшегося в дальнее путешествие без основательной физической, моральной и материальной подготовки, вряд ли можно назвать разумным и предусмотрительным. Странники не от мира сего пускаются в дальние вези босиком с одной котомкой за плечами и посохом в руке. Они вооружены силой духа, силой веры, упованием на Бога.

Но если мы обратимся к сфере общественной деятельности человека, то как бы попадем на другую планету. Здесь почему-то считают возможным пускаться в куда более опасное плавание по политическим морям без малейшей не только физической и моральной, но и духовной тренировки.

В Ленинграде, как и во всем Союзе, появилось множество «формальных» и «неформальных» движений, групп, обществ, партий. «Народные фронты», «Демократические союзы», «Россы», «Память», «ХДС России» и проч., и проч., а также просветительно-катехизаторские общества типа «Общество христианского просвещения», «Общество св. Игнатия Брянчанинова», «Добровольное философское общество «Просвет» и др. И это, конечно, радостно.

«Духа не угашайте», сказано, и «дух дышит, где хочет».

Однако вот чтостораживает: стремление непосредственно вывести какие-то политические догмы из

Евангельских текстов и малый нравственный уровень. Впрочем, очевидно, что оба эти момента взаимосвязаны.

Но, если мы вновь откроем Евангелие, то прочтем: «Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». (МФ. 22, 21). О чем говорят эти слова Христа? О разделении. Он, соединивший в себе две природы, предостерегал от бездумного смешения дольного и горнего. Ибо то, что может сделать Господь, недоступно человекам.

Но забывают, забывают это современные горячие головы. Все им кажется, что путем лишь внешних установлений можно преобразовать подспудное начало.

Нет ни одной партии, ни одной организации, группы, секты, которая так или иначе не ставила бы «во главу угла» человека, которая бы громко и ясно не возглашала о его достоинстве, самоценности, неповторимости... Но что мы видим на деле? Кровь, войны, насилие... Проповедуемые свобода, равенство и братство очень скоро оборачиваются рабством, расслоением, враждой. Стремление к свободе как таковой, свободе во что бы то ни стало, рвет культурную ткань традиции, нарушает целостность не только личности, но и всего народа, всей нации. Здесь нравственность вступает в конфликт с правом. Деструктивные анархические силы усугубляют разрыв до пропасти, в которую проваливаются лучшие устремления человечества.

В данном случае видимой альтернативой кажется жесткая власть: она, де, должна уравновесить эгоистические устремления граждан. Но в скором времени выясняется, что полумерами невозможно обойтись. Человеческий материал должен стать сначала эластичен и податлив, для чего его избавляют от «проклятого прошлого», — выдергивают стержень духовности, веры и культуры — после чего уже лепят базис для собственного производства. Существование других государств с иными системами создает дополнительный стимул такой

«кристаллизации» — внешняя изоляция и противостояние смыкаются с внутренним, одно другое обуславливает. Существенно, что именно тоталитарные государства чаще всего бывают весьма агрессивны. Энергия, освобожденная в результате внутренней стабилизации, требует исхода — и выплескивается во вне.

Интересно здесь было бы пофантазировать на тему о том, что было бы, если бы вдруг всюду в мире победили те самые лозунги «свободы, равенства и братства», которые были начертаны еще на знаменах Французской революции...

«Свобода есть осознанная необходимость». Этот тезис, заимствованный марксистами у Гегеля, вызывает у многих резкое неприятие. И часто потому, что употребляли его и к месту, и не к месту. Между тем, в этом основополагающем высказывании кроется нечто гораздо большее, чем это представляется обыденному сознанию. Обыденное, житейское мышление замыкается в категории «либо — либо», ему подавай «все или ничего». Именно такой максимализм, коренящийся в народных глубинах, чаще всего и приводит к революционным катаклизмам.

У Гегеля есть интересная работа «Кто мыслит абстрактно». Он приводит пример, когда толпа не видит в преступнике человека, не хочет замечать его достоинств, для нее естественен лишь один исход — казнь. Так не эти ли толпы кричали Пилату, выведшему на суд народный Христа: «Распи Его, распни! Кровь Его на нас и детях наших!»? Не такие же ли массы шли сначала на штурм Бастилии, а потом топили женщин и детей в реках? Не они ли шествовали колоннами по Красной и другим площадям в 1937—39 годах, скандируя: «Смерть шпионам!», «Расстрелять троцкистско-бухаринских вырождков!», не они ли сбрасывали колокола с храмов, глумились над иконами, взрывали церкви? Все это — плоды бездумного максимализма, желания «свободы любой ценой».

Нет, свобода может быть и должна

быть ограничена некими пределами, некими моральными критериями. Иначе — гибель. Иначе омут произвола и анархии, развал. Этого не хотят понять вожди «неформалов» и властители государства.

Теперь уже мы можем определить свободу как **необходимость** служения Богу, Христу. Собственно, вся христианская аскетика основана именно на таком понимании свободы. Те, кто решил стать иноком, отрицаются своей свободой, своей воли, своей личности. А это, как сказано, есть условие поднятия (или углубления) на следующую, высшую ступень. Позитивное же содержание движения к Высшему дает лишь Церковь. Таково и основное значение причастия.

«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга.» (ин. 13, 34).

Итак, главное — любовь. Вот тот «багаж», вот та «подготовка», какие необходимы нам на житейском пути. Но как раз о ней-то и забывают чаще всего. Все эти дискуссии, дразги, неумение вести себя даже на всенародном Съезде депутатов, бесконечные

разборы между «неформалами» всех мастей говорят о том, что пустились в политический путь без багажа и подготовки. Где уж тут до взаимотерпимости, толерантности, взаимоуважения! Партии делятся на группировки, фракции, эти последние на секты, течения и т. п. и т. п. Из плохого кирпича не выстроишь здания, как бы ни было оно хорошо спроектировано. Преобразованный внутренне, на основе христианской любви человек, сам, **естественным** образом найдет свою государственность, ибо всякий народ имеет то правительство, какое он заслуживает. Не нужно, сидя в кабинетах или тайных квартирах, выдумывать что-то «самое-самое» — оно само придет как внешнее выражение нашего внутреннего. Тогда сапожник не будет печь пироги, а пирожник — тачать сапоги. Каждый найдет свое единственное место в жизни и в стране, где способности его проявятся так, что будет он получать по потребности.

Тогда дальше соединится с горним...

И будет мир на Земле.

Иван ЩЕРБАКОВ,
г. Ленинград.

...И придёт всему этому крах!

Непонятно, на какой позиции стоит журнал «Век XX и мир» и вы, господин главный редактор А. Беляев. Или вы боретесь за мир, или для того, чтобы лилась кровь народа. А вот я считаю, что вы больше принадлежите ко второму, потому что ваши публикации в журнале разлагают социалистическое общество, которое построено в нашей стране, а это значит — против мира. Ведь вы публикуете материалы подлецов и противников социализма и коммунизма — таких, как Сахаров А. Д. Вы

прославляете и публикуете этого антинародного выроodka в журнале № 8/89. Проповедуете всяких эмигрантов — мусор нашего социалистического общества. Они только льют грязь на честных людей — патриотов родины, которые отстаивали мир, освободили людей труда от эксплуатации. Солженицына А. вы хотите возвести в борца за справедливость. Он как был отпрыск общества, гниль антинародная, так и остался. Правильно пишет Алексей Шестаков, что «такое мог написать лишь чело-

век насквозь фальшивый, глубоко, всем нутром своим ненавидящий советский народ».

Публикуете также отпрыска русского народа Георгия Федотова «Опоздавшие». Что вы думаете, господин редактор,—этим укрепляете мир? Нет, вы разлагаете мир, возрождаете преступность, антисоветчину, антикоммунизм. Видите сейчас, что делается в стране: убивают честных людей — патриотов нашей Социалистической Родины, как физически, так и морально. А вы выступаете против воинов, которые наводили социалистический порядок в Тбилиси. Как в три часа ночи могли быть на площади в Тбилиси старики и дети, для какой цели? Неужели непонятно, это специально организованная провокация? Если воинам в лицо плевали эти старики и дети, что должен в таком случае делать солдат? Если тебе, господин редактор, плюнут в лицо, то от вас можно ожидать еще худшего.

Я вас понимаю, господин редактор, вы не терпите патриотизма, который отстоял мир, освободил народ от

гнета фашизма и империализма. Сейчас преклоняетесь перед капиталистическим застоём. Мы, ветераны, активно участвовали в добровольных взносах в Советский фонд мира, вели агитационную работу по защите мира и сбору средств в Советский фонд мира. Сейчас по сбору средств в Советский фонд мира приостанавливаем работу, пока вы не перестанете публиковать в журнале выступления мерзавцев — подонков социализма и коммунизма, таких как Сахаров, Солженицын, Ю. Афанасьев, Ю. Карякин, Марк Захаров и других отщепенцев нашей Советской социалистической Родины, из-за которых сейчас льётся кровь народа, и ты, видимо, к ним примыкаешь. Мы будем вести борьбу против таких, пока бьются наши сердца.

Запомните это, господин редактор, и придет всему этому крах. За мир будем бороться, за социализм и коммунизм, ибо это едино. Будем бороться, за что боролся В. И. Ленин. За диктатуру пролетариата. Нас таких больше, чем этих выродков.

А. БОЙЦОВ,
г. Пятигорск
Ставропольского края.

Редакторское перо к этому письму не прикасалось.

ПЕРЕСТРОЙКЕ

Да, именно столько минуло с апреля 1985-го, когда на Пленуме ЦК КПСС было объявлено о начале курса на глубокие перемены. Нам, не отвыкшим мерять историю «рубезжами», а дистанцию между ними — «пятилетками», хочется подвести какие-то итоги. Материалы большей части этого номера и навелены этим желанием.

Демистификация власти

Андрей ФАДИН

Во время грандиозной манифестации в Москве 4 февраля люди, проходя мимо посольства США, призывно махали руками ошалевшим от такого зрелища американцам и кричали: «Пошли с нами!» А затем, проходя по Пушкинской площади, дружно скандировали: «Макдональдс», накорми нас!», «Кока-кола», ура!»

Ощущение рухнувшей стены, отделявшей страну от мира и от общей с миром истории, витало над весенней, подстать погоде, толпой. Все чувствовали, что табу, охранявшие Систему надежнее, чем КГБ, — пали. Зримо уходило ощущение «осажденной крепости», позволявшее оправдывать любые лишения и жертвы необходимостью противостоять чуждому и враждебному миру...

Быть может, это два главных сдвига в нашем сознании за пять лет перестройки — демистификация власти и конец «оборонного сознания». Они, конечно, связаны между собой, ибо весь наш традиционный культ государственной власти обосновывался именно наличием внешней угрозы — подлинной или мнимой.

Вопрос, однако, в том, что встанет на место «оборонного сознания», которое в течение столетий (!) играло роль системообразующего фактора нашей политической культуры. Пустоты ведь не терпит не только природа, но и человеческое сознание, а «свято место пусто не бывает».

Попытки «почвенников», «патриотов», «правых» в широком спектре от В. Распутина до А. Проханова, от

ПЯТЬ ЛЕТ

Объединенного фронта трудящихся — до Объединенного совета «Россия» удержать на плаву идеологию державной государственности сегодня идет, похоже, против качания исторического маятника. Никакие попытки убедить народ сегодня, что чем больше армия, тем спокойнее и лучше жизнь, и что КГБ — это «комитет нашей безопасности», сегодня уже не будут успешны. Провозглашенный депутатом-афганцем лозунг: «Держава, Родина, Коммунизм!» на I Съезде народных депутатов еще вызвал бурю оваций, на II же — подобных выступлений слышно уже не было... Молодежь любит джинсы и рок, а эти вещи идут с Запада, и здесь никакие лозунги, проповеди и уговоры не помогут. Для все большей части населения страны уровень и качество жизни приобретают большую ценность, чем все на свете идеологии.

Итак, со стороны реставраторов «оборонного сознания» заполнения идеологического вакуума ждать не приходится. С другой стороны, предлагаемые реформистами либерально-рыночные модели развития не решают одной из центральных, но до сего момента не зафиксированных нашим сознанием проблем — кризиса культурно-исторической идентичности.

«Эпоха нашей социальной жизни ... была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства. ... Мы живем одним настоящим в самых тесных его преде-

лах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя.

... Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось. Мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода совершались помимо нас». Так писал в начале прошлого века, выражая крайний и нестерпимый ни для кого в России взгляд, Петр Чаадаев. Пушкин отвечал ему, что он гордится русской историей и, какова бы она ни была, он **не желал бы никакой другой** истории для своего народа.

Национальное самосознание, видимо, и не может избрать иного, нежели пушкинский, ответа на проклятый вопрос: «КТО МЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ?» Но сам-то вопрос даже после пушкинского ответа никуда не исчезает. Он остается мучительно открытым. Ибо старые ответы не удовлетворяют, а новых нет.

* * *

И вопрос этот отнюдь не метафизический. Пройдя путь от «третьего Рима» к третьему Интернационалу, российское самосознание фактически ни разу не изменяло идее исторической избранности России. Исключительность собственной судьбы всегда истолковывалась у нас в терминах **исключительности предназначения**, некоей мировой миссии — будь то торжество православия, спасение Европы от монголов (Пушкин), от разлагающего рабства денег (Достоевский) или страданий от эксплуа-

тации и неравенства (Герцен, Чернышевский, Бакунин, Ленин), или, наконец, от фашистского порабощения.

Собственно, на этом сознании великой исторической миссии и строилось наше национальное самосознание. Ответ на вопрос «кто мы?» во все времена давался на основе безусловного признания этой роли. Так складывался наш образ в наших собственных глазах — «национальная идентичность».

«Мы живем трудно и скудно, но страдаем не зря: мы прокладываем дорогу к светлому будущему, идем впереди, прикрываем других собой, это наш крест, наша мораль и наша гордость», — таково содержание традиционного нашего мессианского мироощущения. И сегодня бесполезно, в сущности, дискутировать — адекватно ли оно было или нет реальной роли России в мировой истории. Важнее другое: это представление было фактом общественного сознания, оно выполняло определенную функцию, так или иначе оно **работало**. И как мобилизующая идеология масс, и как анальгетик при бесчисленных исторических катастрофах, шоках, травмах. Интеллигенция также отдавала дань мессианскому мифу — через идеологию «великой цели, через «догнать и перегнать», через «если не мы их, то они нас».

Но, в отличие от народного мироощущения, у интеллигенции в значительной ее части с мифом мессианского превосходства сосуществовал и вполне объяснимый «комплекс неполноценности». Информационная изоляция порождала самоощущение провинциализма, сопоставление своих потребительских стандартов и качества жизни с соответствующими параметрами своих западных коллег приводило в отчаяние. Этот процесс приобрел осязаемые масштабы с конца 60-х годов, когда широкое распро-

странение бытовой радиотехники фактически подорвало монополию государства на информацию. С этого же времени для части интеллигенции возникающая **в принципе** возможность эмиграции стала размывать незыблемую дотоле в сознании связь личной судьбы и судьбы страны. И все же пока был жив и работал «миф Россия», пока живо было «оборонное сознание» и идеология осажденной крепости, эмиграция была все же делом исключительным, общественным мнением в целом осуждаемым. Да и связана она была, по крайней мере формально, с судьбой небольших национальных групп, имевших диаспору.

* * *

... Итак, Москва, весна 1990 года. Александр Сергеевич со своего поста-мента на Пушкинской же площади может, чуть повернув голову налево, наблюдать рекламу дефицитной, как и все прочее, «Кока-колы», а повернув голову направо, — гигантскую змею очереди в закусочную «Макдональдс», сопоставимую по масштабам, пожалуй, только с очередью в посольство США (жестокость нравов в которой, быть может, похлеще чем в очереди у «Макдональдса»).

Весна 1990-го... Несколько тысяч интеллектуалов, специалистов из разных областей, едут учиться, стажироваться, работать на Запад. Таксисты берут с пассажиров два-три счетчика, а надежнее — западными сигаретами. Но по-настоящему уверенно себя чувствует лишь человек с «грингами» в кармане: за них можно достать все.

Все выступления в политических дискуссиях отсылают к «опыту цивилизованных стран» — какие бы позиции при этом ни защищались.

«Бюрократия», «номенклатура», «партократия», «мафия» — с одной

стороны, «экстремисты», «национал-карьеристы», «популистские демагоги» — с другой, все эти воюющие меж собой «дьяволы» оказались исключительно своими отечественными, обитающими внутри советского космоса. Борьба идет всерьез, пролилась кровь. Но до сих пор никто не обвинен в том, что он иностранный агент или шпион, — поразительная подвижка сознания, если припомнить политические нравы последних десятилетий. Да и сама борьба означает, в сущности, что страна перестала быть крепостью, осажденной «внешними дьяволами», что ломается, сломан стержень нашего представления о самих себе как о чем-то стоящем то ли впереди, то ли позади, но в любом случае **вне** мира.

...Как-то очень вдруг обнаружилось, что изучать забастовки и рабочие движения можно не только в Италии и Англии, а межобщинные конфликты — в Пенджабе и Ольстере. Что инфляция только звучит по-иностранному, а слово-то вполне даже русское и понятное. Что мафия, рэкет, бизнес, аукцион — стали такими же «родными» словами, как райком, партком и овощебаза. Обнаружилось также, что академически-абстрактные, почти бесплотные «глобальные процессы» могут взрываться не где-то в Лос-Анджелесе или Сан-Пауло, а в Чернобыле, Свердловске или Баку...

И в этой панораме, как выяснилось, Мы — это вовсе не центр мировой системы и даже не часть так называемого развитого мира, а страна, которая не может себя ни накормить, ни одеть, ни обеспечить одноразовыми шприцами или хотя бы туалетной бумагой.

На что опираться, кем себя ощущать, кем себя мыслить? Можем ли мы сегодня искренне повторить вслед за Пушкиным, что не желали бы иной

истории своему народу? Зловещее величие империи рухнуло, и обнажилась пустота. Что делать — непонятно.

Учиться быть нормальным, одним из многих, в общем-то бедным народом, живущим в богатой, но несчастной стране, — другого пути нет. Начались холодные жестокие будни истории, которые наступают вслед за кровавым пиром революции и похмельем диктатур. Это мучительный труд, когда нельзя уже опереться ни на какой миф, ибо ни один из них не работает. Когда приходится бороться с чувством собственной вторичности, «второсортности», провинциальности. И когда нельзя создавать новых мифов.

Но... нельзя и не создавать! Ибо без идеального образа самих себя, без этизации собственных жертв и ожиданий жить не может ни один народ. Америка без «американской мечты»? Без разносчика газет, становящегося президентом? Без фермерской идиллии? — Невозможно...

Собственно и миф перестройки как сравнительно короткого периода тяжких потрясений, за которым — «плато пожинания плодов», уже создается коллективно и властью, и ее оппонентами. Ведь почти все социальные проекты (включая даже самые смелые и трезвые) обещают существенное улучшение положения, смягчение конфликтов в обозримые сроки, а затем — период мирного развития без катаклизмов, без проигравших, без «выпавших из игры».

Вывод трезвого аналитика, увы, вряд ли будет столь оптимистичен. Но чтобы его сделать, сам аналитик не должен быть включен в драму происходящего. Пессимизм по отношению к собственной судьбе не дает достаточного стимула к действию. Чаадаев не случайно остался в нашей истории единственным Гамлетом.

Упадок центра или распад республик?

ПЕРЕСТРОЙКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ОТСРОЧКОЙ НА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ

Гасан ГУСЕЙНОВ,
Денис ДРАГУНСКИЙ,
Вадим ЦЫМБУРСКИЙ

Когда государство, организованное по национально-территориальному принципу, переживает всплеск жесточайших национальных столкновений это означает необходимость критического анализа ценностей, утвержденных в его основе.

К юбилею перестройки эти противоречия вступили в новую фазу, с удручающей ясностью подтверждая оценку, данную в нашей прошлой годней статье («Этнос и политическая власть», № 9/89): источником политизации национальных отношений явился сам акт раздела полиэтнической территории бывшей Российской империи на национальные государственные образования. Проще говоря — потрясения, в которых видят **кризис Союза** как имперской надстройки над национальными республиками, с нашей точки зрения, отражают процесс прямо противоположный: **кризис союзных республик** как особого уровня советской системы.

«ВЫДЕЛЕНИЕ НЕДЕЛИМЫХ»

Мы видим, как конфликты между суверенным этническим большинством и меньшинствами в некоторых союзных республиках вырываются за

пределы этих республик, захватывая обширные регионы. Волны подобных конфликтов колотятся о границы СССР, в ряде случаев грозя их прорвать. Армяно-азербайджанский конфликтный очаг дал разительный пример перерастания скоординированных столкновений между большинством и меньшинством в каждой из двух соседствующих республик в настоящую войну между республиками.

Внешнеполитическим метастазом эскалации стал штурм азербайджанцами иранской, а затем и турецкой границы: только прохладное отношение южных, иранских азербайджанцев к идущим с севера идеям национального возрождения в рамках национальной государственности позволило центральному правительству обеих стран сохранить границу. Резко усиливаются антипольские настроения в самоопределяющейся Литве. Еще не ясно, каким образом румынская революция повлияет на этнический всплеск в Молдавии. Общая судьба столь непохожих друг на друга болгарских турок и молдавских гагаузов, трансильванских венгров и литовских поляков на оси от Адриатики до Балтики неизбежно заставит Запад самым пристальным образом

рассмотреть «версальскую болезнь в ялтинской форме». Но остановимся пока на советском опыте.

За прошедшие месяцы вполне подтвердилась наша гипотеза насчет прямой связи между выступлениями союзно-республиканских этносов против центра и обострением их конфронтации со «своими меньшинствами». Торжество литовского «Саюдиса» обернулось не только законом о республиканском гражданстве, но и пресечением — во имя «неделимой Литвы» — попыток явочного осуществления польской автономии, и даже антисемитскими выходками в Клайпеде. Самоопределение Грузии в качестве «территории, незаконно оккупированной в 1921 г.», сопутствовало кровопролитию в Абхазии и насилиям в Южной Осетии (в последнее время поступают сообщения о религиозных притеснениях и в Аджарии).

И как не вспомнить негодования узбекских интеллигентов по поводу имперского вмешательства в дни, когда войска из центра шли на защиту месхетинцев, истребляемых представителями «коренной» национальности!

Пафос самоопределения через отделение устойчиво дополняется пафосом неделимости, обращенным против «несуверенных» меньшинств на той же земле. Двудеинный лозунг «выделения и неделимости», провозглашенный национальными движениями в союзных республиках, отражает объективную политическую зажатость республиканских этносов между центром и «местными сепаратистами», которые в кризисных обстоятельствах окажутся естественными союзниками центра.

Легко убедиться, что в настоящее время испытанию подвергается не только власть центра над республиками, но буквально все звенья национально-территориальной струк-

туры: отношения союзных республик к Союзу как целому; отношения между республиками; отношения между союзными республиками и подчиненными им автономиями; наконец, отношения между государственными этносами, получившими хоть какое-то место в федеративной иерархии, и этносами, оставленными вне ее. Сведя все эти виды противоречий в единую картину, мы обнаруживаем, что фокусируются они не на уровне союзного центра, а на уровне союзных республик. Поэтому мы считаем себя вправе говорить о разыгравшемся кризисе как о кризисе, прежде всего, республик.

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

Даже формулировка рабочих гипотез о будущем СССР немислима без трезвого изучения имперского опыта. В публикациях по национальному вопросу слово «империя» употребляется в основном как сугубо бранное выражение. Между тем, объективная констатация фактической преемственности между Российской империей и государством, в котором мы живем, позволяет взглянуть на кризисы наших дней с точки зрения этно-исторических процессов, протекавших на данных территориях в течение, по крайней мере, последних двух столетий.

Всякий, кто рисует будущее своих сограждан как прекращение «советской оккупации», неизбежно противопоставляет мрачные десятилетия истории своего народа произвольно избираемой эпохе — эталону суверенитета. Возрождение племенного сознания времен великого переселения народов в разных землях проявляется по-разному — от резни и вытеснения инородцев в Закавказье, до призыва братьям по крови срочно вернуться на родину предков, чтобы вме-

сте противостоять захватчикам (недавний призыв «Саюдиса» к литовцам в СССР).

Исторические причины наличного положения вещей вполне проясняются, если мы сравним реальные процессы образования Российской империи хотя бы с процессами образования Священной Римской империи, преемницей которой была распавшаяся в 1918 году Австро-Венгрия. Разница оказывается весьма знаменательной. Священная Римская империя, расширяясь, включила в себя через династические унии территории государств, подобных Чешскому и Венгерскому королевствам, которые уже в средние века выступали как политические организации соответствующих народов, тяготеющие к этнической определенности. Области, населенные этими народами внутри империи, в основном воспроизводили конфигурацию «поглощенных» ею королевств. Разумеется, размежевание в XX веке государств, возникших на месте Австро-Венгрии, часто проходило весьма драматично, принимая характер «самоопределения» той или иной нации на земле, населенной и другими этносами, в ущерб им (о чем мы писали в прошлой статье, № 9/89). Но в исторической ретроспективе выделение самостоятельных Австрии, Венгрии, Чехословакии могло осмыслиться и осмыслялось как возрождение этнических государственностей, имевшихся у данных народов до наступления имперского периода и в народной традиции — латентно — переживших этот период. В известном смысле, с серьезными оговорками, касающимися судеб Словакии, Трансильвании и т. д., восстанавливалось то, что было до империи.

С Российской империей дело обстоит иначе. Сколько ни называй ее тюрьмой народов, но она никогда не

была конгломератом слепленных в одно здание доимперских национально-государственных образований. Такими, пожалуй, были в ее рамках лишь Польша, а также Финляндия, в которой Россия с 40-х годов XVIII века вела агитацию за отделение от Швеции. Но Польша и Финляндия и присоединены были к империи, соответственно, как особое королевство и великое герцогство, на специальных условиях династической унии, прекратившейся в 1917 году вместе с династией Романовых. В остальных случаях включение новых этносов в состав империи имело совершенно иной характер.

Украина, Крым, Бессарабия «осваивались» на протяжении 150 лет как единый полиэтнический и политически раздробленный ареал, пестрота которого еще усугублялась массовой инфильтрацией в присоединяемые поэтапно области выходящих из турецких владений (греки, болгары, гагаузы и другие). Литовцы и белоруссы вошли в империю вместе с частью поляков, украинцев, латышей как население отторгнутой в последней четверти XVIII века восточной периферии Речи Посполитой. Самостоятельное Литовское государство, с точки зрения политических реальностей того времени, было таким же туманным воспоминанием, как независимость господина Великого Новгорода. Национальный вопрос по отношению к Лифляндии и Эстляндии до середины XIX века звучал исключительно в форме вопроса о статусе и правах остзейских немцев. Расчлененность Грузии на два царства, входивших в Российскую империю порознь, при том, что Восточная Грузия (лишь недавно объединенные Картли и Кахети) включала в себя и часть Армении (не говорим уже об отдельном Абхазском царстве); прочая Армения и Азербайджан, в виде множества

ханств, крайне неоднородных по этническому контингенту подданных; муслируемые вплоть до конца XVIII века проекты создания армяно-грузинского государства... Вся эта «предимперская» картина бесконечно далека от образа Закавказья, складывающегося из трех якобы исконно-национальных государств, предварительные итоги деятельности которых мы сегодня видим.

В Средней Азии Коканд, Хива и Бухара представляли 400-летние амальгамы различных среднеазиатских этносов. Поэтому Бухарскую и Хорезмскую советские республики в 20-е годы нарезали буквально на ломти, проводя «воссоединение искусственно разделенных народов» (по 400 лет истории — не много ли для искусственных государств?). При этом, кстати, часть Хорезмской республики влилась в Каракалпакию, и та пустилась в свое «оседлое кочевание» из состава в состав «суверенных» и «неделимых» Казахстана — РСФСР — Узбекистана.

В Российской империи напроочь отсутствовала та историческая матрица, которая позволила бы скольконибудь естественным образом вычленивать области доимперских цельноэтнических государств. Таковых попросту не было, ибо в прошлом различных регионов империи мы обнаруживаем с чередованием, либо локальные княжества и ханства, либо опять-таки империи — да-да, империи! — вроде владений Тимуридов или грузино-армяно-азербайджанского царства Давида Строителя. Империей, в сущности, было и Великое княжество Литовское — с его официальным старобелорусским языком, — изначально включавшее часть Белоруссии, претендовавшее в споре с Москвой и Тверью на объединение всея Руси, а в пору своего расцвета простиравшееся от Балтийского до Черного моря, и от Буга и Припяти до Оки.

В своем становлении Российская империя складывалась (за исключением Польши и Финляндии) не из этнических целостностей. В ее составе сливались обширные многонациональные регионы Евразии, но неоднородные по своей политической структуре, обладавшие достаточно размытыми границами, зато объединенные общностью исторической судьбы, хозяйственным и культурных связей, и сложившимся в веках обобщенным этнокультурным обликом населения (определяемым сходством экологических условий и вытекающих из них способов хозяйствования).

Еще сто лет назад для Российской империи не существовало фатального пути разделения по этно-территориальному признаку. Все движения за политическое самоопределение крупных этносов, составлявшие неизбежную стадиальную примету индустриальной «эпохи роста» (о чем наиболее убедительно говорит английский историк Эрнест Геллнер), зарождались и кристаллизовались уже в условиях империи. А последняя, с ее чисто административным, губернским, областным и уездным делением и провозглашенным для всех подданных (кроме евреев) правом перемещения в ее пределах, не давала этносам серьезных шансов для их консолидации, а тем более вытеснения меньшинств и утверждения мононациональности территорий явочным порядком.

Национальный состав отдельных ареалов империи, а тем более апелляции к прошлому создавали множество противоречащих друг другу вариантов этно-территориального членения. При этом любому выбранному варианту, каким бы он ни был, предстояло наложиться на чрезвычайную диффузную картину реальных национальных отношений — и перевести эти отношения в политический план. Ясно, что в таких условиях

ни один вариант не мог не быть до известной степени произвольным. Таков был тот вариант, который мы имеем в настоящее время, но таким был бы и всякий другой. В этом смысле, болезненные явления в национальных республиках могут рассматриваться как обострение общим кризисом власти противоречия между характерной для данных регионов неадекватностью структур политических и этно-культурных — и сравнительно поздно прорезающейся установкой на политизацию этносов.

Чтобы застолбить свое право на неделимое выделение, свежее испеченный республиканский этнос, стремясь поскорее стать «современным демократическим государством», должен на какое-то время выпасть из истории. Сегодня остревелые толпы готовы, зажмурившись, гнать «чужих», но для того, чтобы расстаться с «империей», придется выпасть и из имперского культурно-исторического пространства. Цену этого выпадения знают уже не только сотни тысяч беженцев, но и целые республики — жертвы блокады или массированных военных операций.

ПЕРСПЕКТИВА ТРАЙБАЛИЗМА В ЕВРОПЕ

Суть дела, таким образом, в том, что сама структура государства, как она оформилась в 20-е и 30-е годы, объективно спровоцировала этносы на политический вызов.

Формально закрепив за ними привилегированное место в национально-территориальной пирамиде (символизируемое представительством в Совете национальностей, который точнее было бы назвать Советом Национальных Территорий), она в то же время жестко ограничила полномочия этих, ею же провозглашенных политических субъектов. Урезанная

квазигосударственность оказалась противопоставлена как реальному всевластию союзного государства, так и статусу «меньших» этносов, в лучшем случае имеющих надель на землях республиканского «суверена», а в худшем — вынужденных проживать на этих землях «без дома и флага» (Т. Каипбергенов). Естественным следствием была крайняя политизация всех и вся этнических самосознаний и, наконец, обостренное экономическими трудностями конца 80-х годов трайбалистское контрнступление государственных этносов в две стороны: освобождаясь от повинностей по отношению к Союзу, но еще последовательнее утверждая свое превосходство над пришлыми («мигрантами», «иногородцами») и над местными меньшинствами («сепаратистами»).

Столь же понятно, что эти претензии наталкиваются на сопротивление как меньшинств, так и союзной власти. Следует, однако, иметь в виду, что союзная власть, мысля в категориях «нерушимой» иерархии территорий и народов, обычно уклонялась от прямого содействия «союзникам снизу». Так, центр еще ни разу не выразил ясно поддержки автономиям, неоднократно заявлявшим о своем желании остаться в составе Союза в случае выхода из него включающих эти автономии союзных республик; да и Конституция СССР не предусматривает для автономий такого права.

Не случайно во второй половине 1989 года в прессе, в порядке «политических мечтаний», начинают публиковать альтернативные проекты территориального устройства СССР.

Хотя такие планы, часто предполагающие значительное дробление РСФСР, импонируют некоторым деятелям в Прибалтике, зарождаются они, в основном, либо в союзном цен-

тре, либо на национальных территориях, находящихся в иерархии ниже уровня союзных республик.

Примером проектов первого типа может служить публикация В. Соколова («Литературная газета», 2 августа 1989). Автор проектирует федерацию из 50 равноправных «новых республик» со столицей в Москве, где будут регулярно садиться за круглый стол 50 первых секретарей республиканских правящих компартий — нечто вроде княжеских съездов в Киевской Руси периода ее распада.

Пример проектов второго типа, исходящих из автономий, — статья Т. Каипбергенова («Известия», 12 декабря 1989), где за идеал принимаются 53 отдельных национальных государственности, — желательно, с особыми представительствами в ООН.

За интеллектуальными играми в этом роде вырисовываются все тот же кризис республик и крепнущая догадка, что нынешнее территориальное устройство СССР не является единственным возможным. Для политического пространства с таким составом населения, который мы имеем в реальности, оно лишь один, исторически выпавший и довольно неудачный вариант. Пример с Каракалпакией слишком ярко раскрывает чистую условность многих межеваний, «нерушимо» разграничивающих «суверенные» национальные территории.

Право как армян, так и азербайджанцев жить в безопасности на земле Нагорного Карабаха — это одно, а претензия каждой республики на владение Карабахом — нечто совершенно иное. Исторически были возможны, даже в тех же 20-х годах, иные членения этой земли, с теми же народами на ней, даже и с теми же фотугами удовлетворить критерий национальной государственности. Боль-

шинство таких притязаний иначе, как силой, отстоять невозможно, поскольку они совершенно не обладают той очевидной, априорной справедливостью, которая, например, была и остается на стороне этносов, изгнанных с мест своего обитания в 40-е годы. И когда лица, принимающие политические решения, действуют так, точно нынешняя реальность является единственно представимой, априори данной народам, отклоненные варианты могут грозно о себе напомнить: появятся люди, готовые пролить за них свою и чужую кровь, и тогда из неотъемлемой реальности станет реальностью упраздняемой, в исправление «исторической ошибки».

Нагорный Карабах — часть Азербайджана, с не меньшим основанием, нежели он мог бы в 20-е годы стать частью Армении — и не стал. Области Литвы с преобладанием поляков — часть Литвы, но не только ее часть; Нарва с русским населением — часть Эстонии, но опять-таки не только ее часть.

Кризис республик часто сводится к подобному «бунту альтернатив». Однако как раз поэтому, солидаризируясь с обличениями нынешней национально-территориальной системы как двусмысленной и своей двусмысленностью губящей себя самое, мы не видим решения создавшихся проблем в переходе от одного национально-территориального деления к другому. Ни большинство в Грузии, ни большинство в Литве или Азербайджане не смирятся с вычленением из этих республик территорий, на которых представители внешних республиканских народов попадут в положение меньшинств. Замена одной национально-территориальной структуры на другую для советской республики означает не что иное, как пересмотр политического статуса од-

ного этноса в пользу другого этноса, иначе говоря — нанесение «исторической обиды», чреватой озлоблением, протестом, и, скорей всего, кровопролитием. Как говорил герой греческой трагедии: «Что здесь не грех? Все — грех.»

Тем более, что останутся этносы, которые не удостоятся даже такой «микросударственности». Можно ли представить себе государство цыган? Государство месхетинских турок? Будет ли восстановлена республика крымских татар, — но что предложат крымским грекам или крымским армянам? Постоянное присутствие всех этих меньшинств на «чужих» землях — в любой структуре с политизированным понятием нации — всегда будет заключать в себе потенциальную опасность новой Ферганы и второго Баку. Ибо в принципе невозможно определить, какой этнос «у себя дома», а какой — «не у себя» в Нагорном Карабахе, Нарве или Ширвинтском районе Литвы. Мест, где сожительствам народам в равной мере полагают себя «дома», в нашей стране слишком много для того, чтобы удалось безконфликтное размежевание территорий по национальным коттеджам. Обязательно потребуется «окончательное решение» если не еврейского, то чьего-то еще «вопроса».

* * *

Некогда Генри Киссинджер утверждал, что восприятие народом самого себя «изнутри» и восприятие его другими народами «извне» в прин-

ципе несопоставимы: народ «изнутри» — это чаянья, искания, идеалы, стремящиеся претвориться в реальность, а народ «извне» — лишь фактор в столкновении интересов и игре сил на исторической сцене. Такое утверждение игнорирует аспект неполитического, чисто культурного общения этносов, когда ценности одного через создания культуры опосредованно адресуются сознанию другого. Но тезис Киссинджера вполне справедлив для случаев, где речь идет о глубоко политизированных этносах, чьи идеалы воплощены в концепциях власти, статуса и перераспределения земель и ресурсов. Политизация ценностей означает разрыв между внешним и внутренним образом народа, являющегося своим соседям в роли амбициозного и внушающего беспокойство чужеземца.

Сегодня борьба за «полное самоопределение» того или иного республиканского этноса ни в коей мере не должна рассматриваться только как внутренний спор между данным этносом и Москвой. Пафос неограниченного суверенитета нации на «своей» земле, обращенный против «имперского» союзного центра, легко обернется противостоянием иным народам и соседним территориям — в составе ли СССР («товарная война» в Прибалтике, охватившая и Калининградскую область, и Ленинград) или даже за его пределами (Иран, Турция, Польша...). И какие бы бездны этнической психологии ни скрывались за идеалом «выделения и неделимости», осуществимость его остается, к счастью, вопросом баланса мировых сил.

Три мифа и четыре кита перестройки

Симон КОРДОНСКИЙ

Пять лет перестройки отрезвили многих, зато другим поприбавили пылу. Окружающая действительность дает мало оснований для оптимизма, и только Председатель Верховного Совета СССР преисполнен им, заверяя, что предсказатели катастроф справа и слева осрамятся.

А в стране неудержимо падает уровень жизни, коммуникации и системы жизнеобеспечения разрушаются, улицы городов заполнились людьми с жуликоватыми глазами: они перепродают вещи, закупленные за границей государством или полученные в порядке международной помощи. Барахолки цветут новой жизнью. В больших городах постреливают: правда, уже мало кому интересно, кто и в кого стрелял. Неформалы, вышедшие из квартир и подъездов на улицы, мешают перемещениям обывателя, снующего по государственным магазинам в поисках чего-нибудь на обед, ужин или просто съедобного. Карточная система, как раковая опухоль, расплзлась по стране, и вместе с ней выросла роль местных Советов, добравшихся наконец до своей части пирога.

Гласность, главное достижение перестройки для одних и основной ее порок для других, разделила общество на группы, конфликты между которыми мало-помалу переходят в бои.

Три программы на четверых (из аналитической записки):

К началу 1990 года на политической арене сформировались четыре группы со своими четко отрефлексированными интересами. Это — прогрессисты, коммунисты, фундаменталисты и аппаратчики.

Прогрессисты в экономическом плане ориентированы на рынок и рыночную экономику, на уменьшение планирующей роли государственных органов и руководящей роли партии, на введение частной собственности на средства производства, на включение любыми способами в мировое экономическое сообщество. В политическом плане они выступают за ограничение свободы действий для фундаменталистских и националистических групп, за свободу формирования политических партий и организаций, за отказ КПСС от ее руководящей политической функции. Прогрессисты объединяют разные группы, часто с противоречивыми программами, и как целостность существуют только в противостоянии другим политическим группировкам.

Коммунисты в экономическом плане стоят за сохранение и, может быть, даже увеличение руководящей роли партии в государстве. В экономике они против частной и за сохранение государственной собственности на средства производства. Коммунисты

в основном против иностранных капиталовложений в экономику и за ограниченное включение страны в мировое экономическое сообщество. В политическом плане коммунисты выступают за обновление КПСС, которое понимают как чистку состава и аппарата партии от «коррупцированных элементов», за сохранение идеалов коммунизма как целей государственного развития СССР. Они выступают против националистических движений любого плана и за сохранение существующих границ.

Недавнее появление коммунистов как реальной политической силы для многих было неожиданностью. Казалось, что это мировоззрение полностью себя дискредитировало и осталось в роли маски, прикрывающей лицо коррупцированного и ни во что не верящего аппарата управления. Однако вера в возможность социальной системы, где все будут бесплатно счастливы, видимо, глубоко пустила корни в народе. Теперь поклонники марксизма-ленинизма вновь обрели голоса и объединяются на платформе профсоюзов, Объединенного фронта трудящихся и десятков других мелких организаций.

Фундаменталисты в экономическом плане выступают против индустриализации вообще, отрицают опыт мирового экономического развития и считают, что Россия должна начать все с нуля, то есть развивать экологически чистую рыночную экономику, не отчужденную от производителей материальных благ. В политическом плане фундаменталисты (в России) планируют очищение социальной структуры от врагов народа, которыми являются сионисты и масоны, а также другие малые, но активные этнические группы. Они считают, что сам факт очищения послужит стимулом к консолидации наций и обеспе-

чит стабильность и авторитарность социальной структуры. В рафинированном виде фундаменталисты пока сформировались только в России. В других союзных республиках фундаменталистские идеи пока существуют как элементы программ прогрессистов разных видов. Естественно, что в этих республиках конструктивные части программ имеют национальную специфику и национально определенных врагов народа, подлежащих чистке.

Аппаратчики в политическом плане не представляют собой целостности, не имеют отдельной программы, но вынуждены выступать как целое по отношению к разным политическим группировкам. В среде аппаратчиков есть прогрессисты, коммунисты и фундаменталисты. В экономическом плане аппаратчики ориентированы на сохранение и воспроизводство существующей системы производства и распределения, но не потому, что привержены ей, а потому, что не видят эквивалентной замены.

Сейчас, на этапе формирования и консолидации внутренней структуры, все четыре политические группировки озабочены манифестированием своих программ и лозунгов, вербовкой членов и территориальной экспансией. В столицах и индустриальных центрах этот процесс будет закончен, очевидно, в ходе весенних выборов или сразу после них. На периферии страны процесс будет продолжаться еще какое-то время, не меньше года.

Социальные базы прогрессистов, фундаменталистов и коммунистов сильно различаются. Политически наиболее мобильна, хотя и узка, база у прогрессистов, опирающихся на тех, кто в годы застоя был усердным читателем самиздата и тамиздата. К бывшим диссидентам примыкают журналисты, хозяйственные новато-

ры и кооператоры, экономисты и политологи, студенты университетов и некоторых технических вузов.

У фундаменталистов база менее мобильна, зато куда более широка. Это творческая интеллигенция, экологи, включая зеленых, военнослужащие и политработники военизированных областей народного хозяйства, студенты технических вузов и техническая интеллигенция, многие работники аппарата управления, у которых соединились стереотипы архаического обыденного сознания с ксенофобией сталинского и брежневского режимов. Фундаменталисты, кроме того, могут рассчитывать на то, что в нужный момент они рекрутируют под свои орлы и андреевские флаги бичей, деградантов, а также работников сферы обслуживания, для которых ксенофобия и другие культивируемые фундаменталистами представления традиционны.

У коммунистов социальная база консервативнее, чем у фундаменталистов и прогрессистов. Кроме членов партии, искренне убежденных в конечном торжестве идей марксизма-ленинизма, к коммунистам очевидно примкнут нынешние беспартийные, ориентированные на общинные идеалы — инноваторы в сфере семейных и дружеских отношений, люди, разделяющие разные нетрадиционные ценности, такие как веру в чудесные формы излечения и жизнь «без вредностей». Таких уже сейчас много, будет еще больше, и надо ждать существенного пополнения рядов коммунистов сразу после того, как отделившаяся и противопоставившая себя аппарату управления коммунистическая партия откроется от тех направлений перестройки, которые вызывают растущее возмущение народа.

В МИФОЛОГИЧЕСКОМ КОТЛЕ

Мифологемы новых сил достаточ-

но ясны и вполне заменяют им политические программы. Прогрессисты стремятся построить прекрасный новый мир, точно такой же как в Швеции, и в этом стремлении их не останавливает даже опыт предшествующего строительства. Фундаменталисты отрицают достижения западной цивилизации и настроены на установление нового мирового порядка на сугубо русской (литовской, азербайджанской и т. п.) и христианской (мусульманской) основе.

Менее всего, как ни странно, отрефлексированы коммунистические идеи. За требованиями возврата к «ценностям коммунистического учения» лежит стремление к уходу от реальной жизни с ее мелким бизнесом, пропитавшим социалистическое бытие, тяга к упрощению социальных и политических отношений до их «семейного» вида. Идеи всеобщего братства, равенства и безопасности не потеряли своего очарования в государстве всеобщей несвободы, взаимного отчуждения и кастового неравенства. Именно здесь могли сохраниться люди, желающие неосуществимого и странного, — того, невозможность чего показала история их собственной страны и других тоталитарных режимов.

Прогрессисты, фундаменталисты и коммунисты в своих устремлениях руководствуются, скорее, принципом удовольствия, а не принципом реальности. В этом пристрастии к приятному угадывается нечто детское, инфантильное и столь же мало обнадеживающее, как настрой молодежных банд.

Это мироощущение легко понять. Хочется несмотря ни на что вытянуть себя из ада дефицита, из мелочной зависимости от мелочных людей, из клеток для жилья, названных благоустроенными квартирами, с неубраных тротуаров в городах, переполненных транспортом...

Люди требуют дать им простой и ясный выход из положения, они хотят одним махом разрубить узел, в который связаны их тела и души. Идеологи нарождающихся политических партий и их будущие члены не могут признаться самим себе, что при их участии действительно построен социализм. Это сооружение очень прочно и устойчиво, а они сами такие же элементы его конструкции, как и те государственные институты и общественные организации, против которых они выступают. Они понимают, что рубить придется по живому, и придумывают врага, которого не жалко зарубить, — ради общего блага, но всякий раз их останавливает крик ужаса тех, кто подозревает, что первой жертвой перестройки станут именно они.

Представления о политической организации общества и о роли политических партий, развиваемые коммунистами, фундаменталистами и прогрессистами, лишь проекции идеальной для каждой группы модели общественного устройства.

Прогрессисты очарованы западными демократиями. Они очень хотят прямых выборов главы государства, свободы слова вместо гласности, возможности учреждать любые партии и государственные институты по своему произволу.

Фундаменталисты видят идеал общественного устройства в конституционной монархии, опирающейся на общины сотоварищей, между которыми царит единомыслие по вере в бога, вождя и отечество.

Коммунисты рассматривают политику как свою активную деятельность по отношению к тем, кто выступает против них, либо хочет получать не по труду.

Но политика и политическая деятельность, вопреки представлениям новых деятелей перестройки, не про-

извольны и не могут быть введенными или запрещенными. Это естественная человеческая деятельность, в которой люди реализуют свои ценности и достигают своих целей. Политическую структуру и политические партии, вопреки желаниям прогрессистов, нельзя позаимствовать. Политические группы и партии лишь вершины социальных групп развитого общества, имеющих свои интересы и делегирующих представителей для того, чтобы они эти интересы отстаивали в борьбе с представителями других групп. Требования людей, написавших лозунги на кумачах, признать их за политическую партию, не просто смешны. Они отражают уровень политического сознания общества, неготового не только к многопартийности, а просто к партийности.

Впрочем, существование политических групп, легализованных в деятельности Советов, могло бы хоть как-то страховать страну от радикальных кампаний, направленных против тех, кто в какой-то момент вдруг предстает врагом перестройки. Увы, со становлением политики связано слишком много ожиданий. В пылу и страсти, проявляемых по поводу выборов, гласности и законотворчества просвечивают особые свойства советских людей, радующихся возможности поговорить или даже покричать на общеизвестные темы, не опасаясь быть привлеченными к ответственности за распространение заведомо ложных измышлений.

Люди, лишенные идей, но отнюдь не талантов, кинулись в омут избирательных кампаний, экологических движений, неформальных объединений, свободы печати, слова и собраний, предпринимательской деятельности. Гласность проявила мифологемы всех напластований отечественной истории, и в обыденном сознании перестройщика далеко не мирно со-

сдвигают архетипы всех завоевателей России, от монголов до комиссаров. Коллективное, бессознательное вылилось в лозунги, и люди, лишённые мыслей, вцепились в них. Архетипические представления овладели людьми, омертвили их таланты и превратили в бойцов на баррикадах, которых нет. Мифы столкнулись с мифами — между людьми начались реальные боевые действия с использованием огнестрельного оружия, танков и вертолетов.

Избирательные кампании стали соревнованием архетипов и представляющих их лозунгов. Талантливость людей уходит постепенно в пар собраний и совещаний, где нет оппонентов, но зато все — антагонисты. Вместо политического искусства компромиссов оттачивается искусство конфронтации и комбинирования лозунгов, исключаящее саму возможность политики, — глубинного объединения программ действий при сохранении различий в интерпретациях.

Спертый репрессиями дух талантливости в шуме гласности вышел в общественную атмосферу. Воспоминаниями о том, что было, и гаданиями о том, что могло бы быть, «если бы не...», занялись сотни небесталанных людей. Многотомные записки из подполья стали ежедневным кормом тех, кто еще не научился читать. Волна воспоминаний затопила людей, давно уже придавленных своим прошлым. Ненависть к тем, кто обрек на нищенский уровень жизни и лишил возможности прийти на могилы предков, пропитывает мироощущение советских людей и заряжает их злобной энергией. Люди ищут врагов перестройки и найти не могут. Непонятно, где эти злодеи? Каждая нарождающаяся политическая группа прежде всего лепит собственного врага из подручного материала.

Люди отказывают реальности (именем ее истории) в праве на существование и демонстрируют непримиримую вражду ко всему, что принадлежит «системе». Никто, однако, еще не ответил на вопрос, как получилось, что плохая система породила нас — таких добрых и таких прозорливых.

КТО КОГО? (ИЗ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ЗАПИСКИ)

Представляет интерес проблема логически возможных политических объединений.

Очевидно, что объединение групп по позитивным целям маловероятно, поскольку цели и ценности политических группировок антагонистичны и взаимоисключают друг друга. Гораздо более вероятны союзы «против».

Аппаратчики во всех случаях играют буферную роль и в каждом союзе выступают на стороне того, против кого объединились политические группировки.

Рассмотрим теперь спектр политических блокировок и их возможные последствия.

Прогрессисты в союзе с коммунистами против фундаменталистов. В программе фундаменталистов есть пункт, неприемлемый и для прогрессистов, и для коммунистов. Это — неприкрытый антисемитизм для русского фундаментализма, русофобия для национальных движений в союзных республиках, другие негативно окрашенные национальные и националистические идеи. Наличие этого пункта может во взрывной политической ситуации (когда возникает, например, конкуренция на выборах или при назначении функционера на руководящий пост и т.п.) привести к тому, что прогрессисты вынуждены будут солидаризироваться с коммунистами. В этом случае аппаратчики будут солидаризиро-

ваться с фундаменталистами, чтобы компенсировать новую политическую силу и сохранить равновесие власти. При этом, конечно, действия власти могут быть направлены на разрушение союза между коммунистами и прогрессистами, что объективно будет выступать как поддержка фундаменталистов. Действия аппарата в данном случае будут весьма осторожными, потому как вызовут соответствующую реакцию мирового сообщества. Союз, очевидно, возможен как кратковременный и ситуативный, ведь по другим пунктам программ и по фундаментальной идеологии прогрессисты несовместимы с коммунистами.

Прогрессисты в союзе с фундаменталистами против коммунистов. В программе коммунистов есть пункт, неприемлемый для прогрессистов и фундаменталистов. Это — оправдание истории построения государства и роли коммунистической партии в истории страны. (К коммунистам можно сейчас причислить Объединенный фронт трудящихся, профсоюзы в их новой политической роли, а также более мелкие группировки марксистской ориентации.) Наличие этого пункта может при надлежащих политических событиях создать условия для объединения прогрессистов и фундаменталистов в союз, направленный явно или неявно против коммунистов. Прочность такого союза, естественно, будет минимальна. Однако мне кажется, что союз может в ближайшее время возникнуть (естественно, локально, в пределах города, отдельной территории и т. п.). Роль аппарата, если союз между прогрессистами и фундаменталистами возникнет, будет заключаться в легальной или скрытой поддержке коммунистов или в борьбе с союзом через подчеркивание разногласий между группировками.

В случае данного союза возможны ситуации, которые окажут на аппарат очень существенное влияние в том смысле, что будут способствовать его очищению от людей коммунистической ориентации. Вполне возможно, что такая ситуация ускорит дифференциацию собственно коммунистов от партийного и государственного аппарата, то есть формирование коммунистических групп и партий и консолидацию управляющих функций в политически нейтральном аппарате управления, внешне совпадающем с существующими территориальными структурами партийного управления.

Ситуация, сложившаяся в Ленинграде с приходом Гидаспова, весьма похожа на описываемую.

Сходная ситуация сейчас в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии, где, однако, еще не дифференцировались основные политические группировки, и в частности прогрессисты еще не отделились от фундаменталистов. Вполне возможно, что такое разделение так и не произойдет. Тогда сохранится (даже логически) политическая нестабильность. Пока же, если не вдаваться в частности, на национальных окраинах вдоль западной границы фундаменталисты (в том числе и националисты разных окрасок) выступают в союзе с прогрессистами против коммунистов, интегрированных с аппаратом государства и партии.

Фундаменталисты в союзе с коммунистами против прогрессистов. В программе прогрессистов есть пункт, неприемлемый для фундаменталистов (в особенности русских) и для коммунистов. Это — полная интеграция в мировое экономическое и политическое сообщество с потерей национальной специфики и отказом от коммунистической (в частном случае — общинной) идеологии. Именно этот пункт может послужить основанием

для союза фундаменталистов с коммунистами против прогрессистов. В данном случае, прогрессисты будут пользоваться поддержкой партийного и государственного аппарата в борьбе с другими политическими группировками. Прототипом такой ситуации могут служить первые четыре года перестройки, когда прогрессисты явно в союзе с высшими представителями аппарата выступали идеологами и практиками модернизации. Можно ожидать, что в ближайшее время, может быть, в результате республиканских и местных выборов, эта ситуация повторится на некоторых территориях России. В то же время в центре ситуация может смениться, и союзу фундаменталистов и коммунистов (или их недифференцированной общности) придет конец, что, очевидно, приведет и к потере прогрессистами поддержки со стороны государственного аппарата.

Территориальные варианты политических союзов с аппаратом.

Интересные отношения сложатся между аппаратами управления территориями, вынужденными по расстановке сил поддерживать те или иные политические группы. Возможны сближения следующего вида: аппарат в союзе с коммунистами, аппарат в союзе с прогрессистами, аппарат в союзе с фундаменталистами. Соответственно, различные территории вынуждены будут конфликтовать друг с другом в том случае, если по времени не совпадут распределения политических сил. Трудно предсказать ход такого рода конфликтов, поскольку пока нет опыта, но весьма любопытны были бы, например, реакция и действия Ленинградского обкома на то, что в Новгородской, например, области, аппарат включится в отношения с фундаменталистами или с прогрессистами. Еще более интересны конфликты такого рода в

пределах одной области или края, между районами, городами или городскими районами.

В любом случае такие конфликты и союзы должны привести к деполитизации аппарата управления, если, конечно, вновь не будет предпринята попытка решить все проблемы однажды и навсегда путем переворота и тура массовых репрессий. А такие попытки возможны в том случае, если аппарат не деполитизируется и образует прочный союз с двумя любыми политическими группами.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА

В политизированных мифах перестройки есть рациональные зерна, как и во всяких мифологемах. СССР, наследуя Российской империи, не страна, более менее отличающаяся от других стран, а целый мир, и мы, граждане СССР, по отношению к американцам, европейцам, азиатам и африканцам — инопланетяне.

СССР — целый мир, отличающийся от того, что было, есть и будет на Земле. Во многом это связано с дореволюционной спецификой России, но еще больше — с историей построения социализма, в ходе которого все определяющие людей отношения были искалечены, а сами люди многократно отселектированы репрессивными методами. Поэтому еще долгое время, может быть, и столетие, развитие СССР и мира будет идти по-разному, хотя в конце концов пути, может быть, и сойдутся.

Внутренняя структура СССР не менее сложна, чем всего остального мира. Разнообразие социально-экономических складов, образов жизни, демографических отношений, скрытое официальной статистикой и идеологами, настолько велико, что

говорить о едином пути развития «страны в целом» не имеет смысла. В СССР есть все, что есть где-либо в мире, и любой специалист, поглядев и немного освоившись, найдет что-то похожее на происходящее в других уголках Земли. История страны и будет впредь складываться из локальных историй общностей, национальных групп и экономических районов.

Мне кажется, что ни одна из проблем, ныне обсуждаемых в представительских органах власти, не разрешима радикально. Разве может существовать решение экономических проблем, приемлемое для Туркменистана и Эстонии одновременно? Сейчас надо отказаться от представления о стране как некоем унифицированном целом, механически воспроизводящем алгоритмы изменений, заданные свыше президентом или народными избранниками. Реформы экономической и политической систем надо строить не из вышших соображений о «целях перестройки», а исходя из того, что в СССР существуют экономические, политические, территориальные общности минимального размера, способные по-своему производить материальные и духовные ценности. Этим общностям нужно дать возможность жить и развиваться, сняв государственные ограничения на **любые** формы проявления человеческих интересов.

Вполне естественно, что интересы этих общностей на первых порах будут противостоять государственным. Но ведь мы уже решили, что это государство не приспособлено для жизни, — а мы все хотим жить. Экономика страны разобьется на миллионы мелких производителей, вписанных в локальные системы общесоциальных отношений и удовлетворяющих потребности своих соседей, родственников, знакомых или партнеров по бизнесу из-за рубежа.

Реконструкция экономики «снизу» выведет на свет многочисленные территориально-общественные уклады, ныне до неузнаваемости преломленные и идеологизированные в программах коммунистов, фундаменталистов и прогрессистов. Социально-структурный каркас политической жизни станет легальным, открытым. Территориальные группы производителей и потребителей в конце концов оформятся в административные единицы нового государственного устройства нашего мира со своими органами власти той или иной политической ориентации. Интересы этих общин будут выражать в Верховном Совете страны их политические представители.

Положение СССР в мире таково, что он не может распасться на десятки экономически немощных, зато «суверенных» республік. Потрясение от такого катаклизма было бы столь велико, что поставило бы под вопрос весь мировой процесс. Усилия остального, более благополучного мира уже сейчас направлены на то, чтобы помочь СССР модернизироваться, оставаясь великой державой, — не по объему производства, конечно, не по уровню и качеству жизни, но хотя бы по его истории, по геополитическому положению и по остроте и ответственности отношения к внутренним проблемам. Надо надеяться, что внутренние процессы модернизации и внешняя помощь дадут возможность СССР сохранить в такой роли.

Трудно сказать, насколько полезен окажется наш столь дорого оплаченный опыт для кого-либо еще. Единственное, что, на мой взгляд, могло бы представлять интерес для остального мира — как раз то, от чего мы сами пытаемся освободиться: наднациональная система власти. Сами того не замечив, мы выстроили логически идеальную иерархию власти, отточив

«Иду на дело»

Леонид АРТЮШЕНКО,
студент,
г. Норильск

Еще протопоп Аввакум сказал: «Выпросил у Бога светлую Россию Сатана...» А раз уж Бог сам Сатане уступил, какой смысл возмущаться? — Так и живем: меняются пророки и генсеки, а все-то еще Россия — «страна дураков», и начини в ней благое какое дело, так непременно ж завтра оно злом обернется. А народ? А народ как был, так и остался дремучим, наивным, голодным и вечно пьяным.

Говорят, будто в Китае есть такое пожелание лихому человеку: «Чтобы ты жил во время перемен!» Видно, довели мы своих соседей-китайцев, и это они нам на всю нашу жизнь перемен наслали. За примером далеко не пойду — на пять лет тому назад.

1985-й год: страну взбудоражил Указ — «сухой закон». То-то благо! Уж не могли нарадоваться жены своим трезвым мужьям, а начальники — трезвым рабочим... Но уже к Новому году — вина не купить, зарплата задержана, чудовищные очереди у последних винных магазинов; спекуляция «жидкой валютой» захлестнула таксопарки, волна наркомании, а весной уже шли под бульдозер гектары виноградников, фруктовые сады...

Ладно — зато в милосердии себя покажем! И пока советский человек,

очумев, пытался найти логику в происходящем, где-то «наверху» уже все решили и к объявленной амнистии освобождали в организованном порядке заключенных, чтобы закрывали колонии, докладывая: с милосердием все в порядке!.. А потом новый потоп — пошла волна кооперации...

Да простит меня читатель, но не дает покоя вот какая мысль: плохо вообще все то, что как-нибудь **называется**. Ну почему непременно «перестройка», «ускорение», «продовольственная программа»?.. Пусть бы это было так, без названия. Просто было — и все. Но нет: мы ведь первые, и наши планы наперед должен знать весь мир! Наша страна — первооткрыватель терминов для всего человечества. Что касается автора, так он вообще до определенного времени не понимал, что такое социалистическая экономика, хотя и догадывался, что именно она-то, горемыка, и должна «быть экономной».

Итак, разрешили эту самую кооперацию. Люди, отважившиеся в нашей стране на коллективное предпринимательство, вызывают у меня даже не уважение, — преклонение. Они не предприниматели, они скорее естественные охотники — сродни охотникам на акул. Со стороны же властей это скорее охота акул на охотников.

— Можно?.. — Можно! — Ура, тогда мы... — А вот этого как раз и нельзя!

— Странно, ведь нигде об этом не сказано. — Да вот вам и говорят!

— Хорошо, тогда мы вот так! — И так тоже нельзя! — Да почему?! — Потому!..

ИГРЫ НА ИСТОЩЕНИЕ ЗРИТЕЛЯ

Я попрошу уважаемого читателя отвлечься немного и представить себе плотно закупоренный кипящий сосуд, на котором красными буквами написано: «Не вскрывать! Взорвется!». Это наша внутренняя политика. А надпись — не что иное, как призыв к «консолидации сил». С позволения читателя, я такую консолидацию назвал бы крайне странной. Она напоминает шахматную игру вслепую, где никто в конечном итоге не проигрывает. Такая вот «консолидированная» власть впервые за всю историю человечества родила политические парадоксы: консервативности радикальных перемен и мгновенности (читай — радикальности) консервативных поправок к радикальным законам. Две крайности: консервативный радикализм и радикальный консерватизм, и оба — одно и то же! Не в этом ли первопричина всех зол?

Тем временем шахматная партия продолжается: игра рассчитана надолго. Игроки не спешат побеждать — у власти можно оставаться сколь угодно много. Академик Е. М. Примаков, кандидат в члены Политбюро, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР не так давно побывал в США. И, как сообщила радиостанция «Свобода», тов. Примаков на вопрос о том, много ли времени у ЦК КПСС для проведения радикальных реформ в эконо-

мике, ответил коротко и емко: «Вечность».

Все-все — о политике ни слова! Нарисуем характерный портрет нашего современника. Его дед был коллективизирован, репрессирован, пропал без вести, отвоевал-вернулся-спился: в общем, редкий современник похвастается живым предком во втором колене. Отец нашего героя — колхозник или заводской работяга с черными руками, угробленный алкоголем, работой и начальником, если только вовремя не уехал на Север или большую стройку. Если прямой предок жив, он в городе имеет «хрущевку», а в деревне так называемый пятистенок и шестьсот рублей на сберкнижке. Бывает и получше, но для этого надо вовремя «подсуетиться» или на трех работах отгорбить.

Переходим к главному герою. Все его дороги ведут прочь из дома. Он уехал на БАМ, на КАТЭК — к черту на рога, прочь от родителей, в другой город или из деревни, где не то что работать — жить невозможно, уехал в чистую жизнь, где есть веселые люди, праздники, субботы и воскресенье. Лет до сорока он ждал квартиру, вместе со своей героиней снимая угол. В лучшем случае — жили в семейке, коммуналке, где наш герой либо успел уже спиться, либо вступил в партию.

Да, согласен, есть отчаянные парни, которые делают блестящую карьеру, ходят со значками, изображающими госатрибутику, и обязательно — в галстуках. Но не это характерный портрет нашего современника. Так и наш герой привычно тянул лямку, не ожидая от жизни приятных сюрпризов, когда вдруг — на! — грянула перестройка. Сначала он не очень-то поддавался. Ему, собственно, нет дела до политики. Ему бы пожить нормальной жизнью, отдаленным подобием которой жи-

вут — он видел — некоторые люди.

А ему вдруг: жилье к двухтысячному году! — это ж и самому можно успеть! Кооперативы поразрешали, шабашки — это ж ему можно заработать! Здорово! Все, что нельзя, — можно!..

Прошло два-три года и оказалось: все, что нельзя, — нельзя. Герой впал в состояние каждодневной досады, сменяемой ностальгией по жизни, которой не было, нет и не будет.

АБСУРДНЫЙ ФИНАЛ

Знают ли игроки в «вечные шахматы», что есть состояние абсурда? Еще великий Достоевский показал нам человека без веры — самоубийцу. Правда, тот был одержим идеей, а наш герой — нет. Его держат на земле инстинкт самосохранения да нелюдское, инстинно русское терпение, так и не выкорчеванное в прошлых поколениях. Новейшее состояние абсурда — это полное неверие во что бы то ни было и кому бы то ни было. Это жизнь одним днем — сегодня, это осознание ненужности всего происходящего и своей жизни, это изоляция от ТВ, радио, газет — маразма, который нет сил уже слушать и знать. Это одиночество, еще и еще раз одиночество...

Врут газеты, находя самые невероятные причины катастрофически возрастающей преступности! Вы ищите не то и не там. Есть ли преступление в том, что человек хочет относительно хорошо жить? Какое же тут преступление — вырвать деньги, маленький кусочек скудного благополучия у разваливающегося государства?

Мне кажется, я готов понять и

одобрить любое деяние, называемое преступлением, если только оно направлено на изъятие ценностей у государства. Как государство относится к людям, так и человек к нему. Принцип один: неизвестно, что будет завтра, — плевать на все! И не знаю, как мой читатель, но если мне, автору, его друзья предложат идти «на дело», — не знаю, смогу ли я отказаться.

Да, я не пойду грабить простого работягу — что с него взять? Я буду, по крайней мере, сперва порядочным грабителем, обирая только **госсистему**, что и делают многие вокруг, — а с особым рвением тех, кто представляет органы этой системы. Если честно, мне давно по душе рэкет, но не по мелочам — кооперативы трясти, а — крупномасштабный, оплетающий щупальцами все, что даст деньги. И лучше не в пределах одного города...

Да простит мне читатель, не понимаю я политиков. Не понимаю радикальных «пророков» — что они там перестраивают пять лет? Не понимаю и новых русофилов, с их лозунгом «Спасем Державу — спасем культуру и народ!»

Не надо «спасать» народ: ему мешать не надо. Тогда и народ будет цел, и культуру он возродит из поварьного пепелища, а уж когда будут народ и культура — Держава будет! Та самая, — с большой буквы. А та держава, которую кто-то хочет спасти, кто-то перестраивать, — так и не разобрался — мне ни к чему: в ней нет ничего моего, ничего мне родного. Она — чужая. Поэтому арестуйте меня сегодня, пока я еще хороший и тихий. Завтра я за себя уже не отвечу... Завтра — будет поздно...

Революция пенсионеров

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
журналист
г. Москва

В воскресенье, 17 декабря 1989 года, в час дня я вышел на улицу на станции метро «Парк культуры». Был холодный день, с белым, как ватой обложенным небом, с черными прямоугольниками незажженных окон. У троллейбусной остановки, взобравшись на грязный засохший сугроб, стоял человек и кричал: «Товарищи! Проходите дальше! Троллейбусы по Комсомольскому не ходят!» Я пошел дальше — и увидел уходящий вдаль густой человеческий поток. Поток двигался медленно, одолевая метров сто в час. Но никто не раздражался медлительностью хода. Люди шли попрощаться с Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

Долгие часы упорной, тихой очереди, среди людей, держащих завернутые в газеты гвоздики, руками в варежках прикрывая зажженные свечи. Ощущение сиротства ныло в душе, витало в студеном воздухе Москвы. Кто из нас, здесь стоящих, примет на себя теперь частицу его груза?

Я смотрел вокруг себя и видел — молодых людей в очереди почти нет. Терпеливо стояли и медленно шли люди сорока, пятидесяти, шестидесяти, даже семидесяти лет. А молодых — не было. И в этом отсутствии молодых в очереди людей, шедших попрощаться с Сахаровым, чудился какой-то провал исторической почвы, обрыв поколений. Цифры, позднее приведенные прессой, подтверждали мои мысли: молодежь не пришла

прощиться с Сахаровым. 70% прошедших были старше сорока лет. Родившихся, начиная с 1970 — 3,5%. Тех, кому за 70, было больше, чем юношества...

ПОКОЛЕНИЕ, ДОСТИГШЕЕ ЦЕЛИ

Трудно писать о поколении, к которому не принадлежишь. В своем поколении ориентируешься, как в знакомом доме, знаешь все ходы и выходы, помнишь старые анекдоты и старых героев. А — о чужом?

Чужое поколение — «вещь в себе», непрозрачный объем, в котором происходит что-то недоступное взгляду. Оно или говорит само, или молчит. Но и молчание его — это тоже способ социального говорения.

Сегодня нас трясет и лихорадит, нас захватывает пафос, и эффектные слова о партократии, настоящем, прошлом и будущем сами собой выскакивают нам на язык. Наши истины представляются нам столь очевидными, наша борьба столь справедливой, что мы, не уверенные в настоящем и близком будущем, далеком будущем все-таки оставляем за собой: «В конечном итоге, в конце концов, когда демократия победит — ведь она не может не победить...» Но стоп. Чего стоим мы без молодежи? Какое будущее нас ждет, если пожилые люди с юношеской беззавет-

ностью бьются на идейных баррикадах, а их внуки смотрят на это с усмешкой людей, не верящих ни во что?

В начале восьмидесятых я работал в школе учителем. Уже тогда резкие, отчетливые черты молодого поколения, идущего на смену, бросались мне в глаза. Разговаривая с ними, я удивлялся их спокойному эгоизму, их практицизму и прагматике. Для них, стоявших на пороге жизни, выбирая путь, целью было то, что мы, кончившие школу на десять лет раньше, презирали всей душой: успех внутри системы. Ни в какой «социализм», ни в какие идеалы они не верили. Но не бунтовали. С улыбкой принимали правила игры, с улыбкой соглашались: «Да, аморально... да, ложь...» — Однако ставили точку: «Я жить хочу, понимаете, Алексей Михайлович? **Жить!**»

А что значило — «жить?» На излете брежневской эры многие мои друзья и ровесники (да и я сам одно время тоже) работали ночными сторожами, дворниками, вахтерами, рабочими в экспедициях. Они тоже делали это именно из желания жить, то есть не лгать, не вдыхать мерзкий воздух собраний, политинформаций. Во имя этой свободы дышать чистым воздухом, еще оставшимся в расщелинах социального дна, они отказывались от материального благосостояния. Но для молодых людей следующего поколения материальное превращалось в стимул и несущую конструкцию бытия. «Тебе чего хочется? Ну, в жизни — тебе чего хотелось бы, а?», — приставал я к одной из своих учениц, чье вялое скучающее лицо раздражало меня. Голубые накрашенные веки поднялись, в лицо мне глянули доверчивые глаза: «Кроссовки с загнутыми мысочками...»

Я ходил по квартирам, пытаюсь по-

говорить с родителями, которые на мои вызовы не шли. Убожество жизни, нищета, пустые бутылки на подоконниках с полузасохшей геранью. Помытые лица пьяных отцов, взвинченные, раздраженные матери: «Чего там он опять натворил? Надоело мне это, посылайте его в спец-ПТУ!» В атмосфере всеобщего отупления, в низинах и рытвинах жизни даже материальный интерес был интерес, желание иметь кроссовки с загнутыми мысочками оказывалось формой спасения человеческого в себе. Выбраться из нищеты, вырваться из свинства, заработать, заработать! Там, где в молодом человеке не было жажды социального успеха, вся его жизнь лишалась последней опоры.

Два процесса наперегонки шли в нашей стране в семидесятые и в первую половину восьмидесятых: развал экономики, скольжение страны в яму и формирование «советского человека», то есть того, кто настолько одичал и отупел, что не осознает, что живет недостойной человека жизнью. Этого участника парадов и субботников лепили, конечно, исстари — и двадцать, и тридцать лет назад. Но результат этой лепки стал известен именно сейчас. Оба процесса пришли к финишу голова к голове: страна развалилась, а «советский человек», наконец, созрел. Наш молодой герой стоит среди разлетающихся обломков, чувствует колебания земли под ногами, слышит вопли погибающих — остается равнодушным.

«Дорогая редакция, помогите нам, мы с моим другом поспорили, он говорит, на басу в «Скид роу» играет Роб Аффузоз, а я говорю нет, Скотти Хилл...» — подобными письмами завалены редакции молодежных газет и журналов. Какой вывих претерпела их душа? Под гладкими улыбочками, умнейшими словами — что в них питает бессмысленную ярость, сби-

вает их в кучи и стаи, грызущиеся с другими кучами и стаями?

Не знаю. Знаю только, что они, в восемнадцать лет с трезвой взрослой улыбкой выходившие на беговую дорожку, не всегда добирались до финиша. И один из тех моих расчетливых учеников, кто учил меня «жить», кончил самоубийством.

И ЧАС ПРИДЕТ...

История в нашей стране уже не раз выступала в роли шутницы. Либеральная интеллигенция начала века расчертила путь к свободе — и ухнула в небывалое рабство. Сталин уничтожил свой народ — и стал его кумиром. Хрущев сокращал аппарат — в результате чего аппарат вырос в размерах и съел Хрущева. Горбачев медленно и мирно реформирует общество, получая лавинообразные кризисы и взрывы насилия. А мы: что мы получим, борясь за демократию? Как в гене заложена информация о будущем организме, так в сегодняшней молодежи заложена информация о будущем развитии общества. И, может быть, надо признать, что история пойдет не по тому пути, на который мы толкаем ее, наваливаясь плечом. Впереди эпоха, когда главным действующим лицом будут люди, для которых скэйт-борд важнее тома Достоевского, а видеофильм со Шварценеггером привлекательнее митинга с Ельциным.

Наш мир устроен не так, как за Брестом. В Чехословакии именно сту-

денты начали «нежную революцию», в ГДР именно молодежь вышла на улицы Лейпцига и Берлина. У нас же, когда придет час решений, кто поймет и почувствует, — **час пришел?** Горький ответ просится сам собой: все те же. Те, кто ходят на митинги в Лужниках, кто читает и издает самиздатовские листки, кто 17 декабря пришел прощаться с Андреем Дмитриевичем, — они и поймут, и почувствуют, и сделают все, что от них зависит. Но кто они?

Люди, находящиеся во второй половине жизни, люди предпенсионного возраста, пенсионеры. В шестидесятые годы была «молодежная революция» — теперь, судя по всему, бурлит и ширится в нашей стране **революция пенсионеров**, движение «тех, кому за сорок». А молодежь?

Аббат Сиейес отвечал на вопрос о том, что он делал во время Французской революции: «Я жил». Наши дети и внуки не откликаются больше на призывы и лозунги, не рвутся ошастливать человечество. Они просто хотят **жить**. И что, если идеологические надолбы, о которые мы разбиваем наши головы и которые, тем не менее, стоят, как стояли, — растают и сгинут под трезвым холодным взглядом наших детей как мираж?

Все-таки два имени, два примера не дают впасть в окончательный, в бесповоротный пессимизм. Дима Юрасов, с четырнадцати лет собиравший карточки с фамилиями репрессированных. И молодой солдат внутренних войск по фамилии Андреевский, который 9 апреля в Тбилиси под мат начальства выносил из толпы раненую девочку.

К людям доброй воли в Советском Союзе

ОБРАЩЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОМИТЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ КАТЫНСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В 1990 году минет 50 лет с тех пор, как совершено Катынское преступление. Весной 1940 года по приказу высших партийных и государственных властей НКВД уничтожил свыше 15 тысяч офицеров Польской Армии. Была истреблена армейская элита, а вместе с нею — в числе офицеров запаса — цвет польской интеллигенции: ученые, врачи, мастера искусств. После нападения Советского Союза на Польшу 17 сентября 1939 года все они оказались в заключении на территории СССР в лагерях Козельска, Осташкова и Старобельска. С апреля-мая 1940 года никто из этих людей уже не подавал никаких признаков жизни. Массовые захоронения расстрелянных офицеров из Козельска были обнаружены в 1943 году в Катыни, где было эксгумировано почти пять тысяч трупов. После изучения вещественных доказательств, показаний свидетелей и огромной документации польская комиссия, равно как и другие, — международная комиссия и, впоследствии, комиссия американского конгресса — пришли к однозначному выводу об ответственности советских властей за преступление. Так считает и вся независимая мировая общественность.

Среди голосов, называющих виновников злодеяния, нет только одного: до сих пор правительство Советского Союза не признало, что советское государство несет ответственность за это преступление, совершенное на территории СССР по приказу властей. Следует отметить, что это была

лишь часть репрессивных акций НКВД против польского населения.

Ныне во всем мире и в нашей части Европы происходят глубокие перемены с целью ликвидации наследия тоталитаризма. Качественные изменения в направлении демократизации происходят и в Советском Союзе. Это уже не прежняя страна. Люди в Польше хотят добрых и дружественных отношений с восточными соседями. Чтобы это стало возможным, советское государство и его граждане должны рассчитаться с прошлым, в данном конкретном случае признать историческую ответственность за Катынское преступление и его последствия. Этот вопрос был недавно предметом обращения правительства Польской Республики к правительству СССР.

Мы протягиваем руку дружбы гражданам Советского Союза и просим их помощи. Наверное, живы еще свидетели трагедии. Пусть сообщат то, что знают и что видели, пусть помогут найти также могилы офицеров из Осташкова и Старобельска.

Обращаемся к интеллектуалам в Советском Союзе, к людям из мира искусства, к тем, кто имеет влияние на формирование общественного мнения, ко всем без исключения: освободите наши народы от наследия этого кошмарного злодеяния. Только вы способны это сделать!

В 1980 году, в сороковую годовщину Катынского расстрела прозвучал голос независимой советской общественности; с того времени честные люди вашей страны неоднократно высказывались по этому поводу. Пусть же теперь правда будет сказана от имени всех.

Комитет — независимая общественная организация (Ред.)

ОТ ОКТЯБРЯ—

К ФЕВРАЛЮ?

Диалог публициста Людмилы САРАСКИНОЙ
и писателя Александра КАБАКОВА

Л. С. Для начала нашего разговора мне хотелось бы поделиться одним наблюдением. По-моему, общественное сознание в эпоху кризиса перестройки заметно отодвинулось от обычных «вечных» вопросов. Если вначале все бросалось обличать негатив прошлого (стадия «Кто виноват?»), а затем с азартом и риском предлагать «свой путь» (стадия «Что делать?»), то теперь все чаще и чаще возникает новый вопрос — в пассивной и страдательной форме: «Что с нами будет?» Газеты, журналы, телеэкраны забиты констатациями-предупреждениями типа: «Мы у опасной черты», «Мы у края бездны», «Мы накануне общенациональной катастрофы». И хотя, как сказал товарищ Гидаспов, «быть пророком — занятие неблагоприятное», спрос на пророчества необычайно вырос. Этим, хотя бы отчасти, можно объяснить успех повести «Невозвращенец»*, о которой уже писали как о футурологическом конспекте и предупредительной фантазии. Но вот что странно: даже самые искушенные читатели забывают, что повесть А. Кабакова — это и в самом деле фантазия, художественный вымысел, основанный, конечно же, на предчувствиях, наблюдениях, опасениях. — но все-таки вымысел.

Вы часто повторяете: я там (то есть в «Невозвращенце») все выдумал. А читатели прямо сопоставляют политические реалии повести с тем, что сегодня происходит в стране. Ваша фантазия в умах соотечественников постепенно приобретает

статус неотвратимо и молниеносно приближающегося будущего. Наблюдательный читатель с политической жилкой скрупулезно подсчитывает, что и как уже исполнилось из «предсказаний Кабакова» и что еще предстоит.

Итак, насущный вопрос дня сформулирован в старинном монологе:

Что день грядущий мне готовит? Но вспомните и следующие строки:

Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.

И меня смущает здесь слово **напрасно**. Дается ли будущее нам в руки?

А. К. Эти стихи, как любые настоящие стихи вообще, а тем более Пушкин, читаются двояко. «Напрасно ловит» — значит, невозможно уловить? А, может быть, не стоит? Что невозможно уловить, я сомневаюсь, потому что очень многим людям удавалось. Свифт, Хаксли, Заматин, Оруэлл.. А вот стоит ли предугадывать — это вопрос очень серьезный. Предположим, детерминистский, фаталистический взгляд на мир делает бессмысленной всякую попытку прогноза: чему суждено быть, то и будет. Зачем зря расстраиваться?.. И если положено после капитализма наступить социализму, а потом уж коммунизму, то обязательно и наступит. Поэтому, наверное, некоторые искренне считали: ну чего заглядывать в будущее? У нас даже фантастика считалась второсортной литературой, особенно хорошая фантастика.

Так вот, я думаю, что «напрасно» в смысле «не стоит», — это неправильно. Очень даже стоит лишний раз напомнить о том, что каждый наш поступок имеет последствия. Я не склонен придавать

* Повесть А. Кабакова опубликована в журнале «Искусство кино», 1989, № 6 и в его книге «Заведомо ложные измышления» (изд-во «Книжная палата», 1989).

большого значения своему сочинению, вокруг которого сейчас столько шума. Его было не очень сложно придумать, если на то пошло. Многие было очевидно для многих, а мне пришло в голову об этом написать не ради того, чтобы писать о будущем. А ради того, чтобы написать о настоящем, где у нас — все еще главный выбор: «стучать or not стучать?» И о том, к чему этот выбор может привести.

Л. С. «Пугают гражданской войной.. Наиболее «солидный» и убедительный вид этому приему запугивания демократии стараются придать посредством ссылок на опасность ...гражданской войны... Из всех видов пуганья пуганье гражданской войной самое, пожалуй, распространенное». Знаете, откуда эта цитата? Правильно, из Ленина, из его статьи «Русская революция и гражданская война», написанной в сентябре 1917-го, за месяц до начала революции — той самой общенациональной бойни, которая не принесла и не могла принести ни мира, ни земли, ни хлеба. Что это — политическая слепота или политическое лицемерие вождя революции? Или это другое: «Нас пугают, а нам не страшно»? Жутко сегодня читать, как упрямо и сердито обосновывает В. И. Ленин необходимость гражданской войны, ее неизбежность и выгоды: ведь «сила революционного пролетариата, с точки зрения воздействия на массы и увлечения их на борьбу, несравненно больше во внепарламентской борьбе, чем в парламентской», а «все условия и вся обстановка парламентской борьбы и выборов преуменьшает силу угнетенных классов по сравнению с той силой, которую они фактически могут развертывать в гражданской войне». Странно воспринимать восторг вождя спустя полгода после Октября: «гражданская война была сплошным триумфом Советской власти».

Противно и больно находить у нынешних обществоведов-«ленинцев» апологию этих событий: «Ленин безоговорочно отделил большевиков от мелкобуржуазных демократов, — иногда бессознательно стонавших от «ужасов» гражданской войны, и пресекал все попытки с помощью «демократических» уверток «совлечь революцию с пролетарского, социального пути, втиснуть ее в буржуазные рамки».

Я понимаю, насколько рискованно исторические аналогии. И все-таки, если «перестройка — это та же революция» (как любят говорить наши партийные идеологи), остается и «революционное», то есть в терминах революции, распределение политических ролей. И мы с вами прямоком попадаем в категорию «мелкобуржуазных демократов», стонущих от ужасов гражданской войны. Разве что с тем отличием от наших предшественников, что стонем сознательно.

А. К. Я думаю, что цели революции — те, что были провозглашены, и те, что были достигнуты, — были совершенно разные цели. Слово «демократия», которое Владимир Ильич в этой статье всяко терзает, никакого отношения к происшедшему не имеет. По той причине, что не было достигнуто и даже не хотели достичь основной демократии — демократии собственности. И сейчас, все время крутясь вокруг демократизации, которая, по известному анекдоту, так же отличается от демократии, как канализация от канала, мы никак не можем понять, что происходит. А происходит простая вещь: не демократизируется собственность. На мой взгляд, если танцевать от этой печки, тогда все ясно.

Я был недавно в Смольном и в одном из мемориальных кабинетов увидел на стене оригинал Декрета о земле. Где там — «земля — крестьянам»? Там слова про это нет! Там сказано, что отчуждается в пользу государства земля удельная, казенная, монастырская, общинная и... крестьянская! Изымается и обращается в собственность государства. То есть создается система недемократической, унифицированной, тоталитарной собственности, которой не было в истории. Стоит ли удивляться тому, что одновременно содвинулся политический, идеологический и прочий тоталитаризм, которого не было в истории? Тоталитарная собственность — его основа.

Л. С. Но если следовать логике революции и ее вождя Ульянова-Ленина в отношении к гражданской войне как к триумфу Советской власти и к парламентаризму как неподходящему полю сражения для коммунистов-ленинцев в их борьбе за власть, какой можно сделать вывод о ленинских принципах, которые положены

в основу перестройки? Или эти принципы были тогда, и являются сегодня абсолютно аморальными, и пришла пора с ними наконец расстаться, или нужно отдать себе полный отчет о судьбе молодого парламента страны: что и кто стоит на пути его развития, от чего и от кого зависит его жизнеспособность. Ведь ясно: если запустить все механизмы парламентской жизни и демократических выборов, если допустить истинный плюрализм собственности, от знакомой нам практики ленинизма ничего не останется. Как ничего не останется от тех сил, которых не пугают любые потоки крови.

А. К. Пожалуй... Это для них игра на чужом поле. Парламентаризм — не их создание и потому не их игра. В шахматы труднее играть, чем в «Чапая», сбивая шашки щелчком... Но сейчас я хочу поговорить не о политике и не о политической истории, хотя начну с них. Итак, соглашусь с цитируемым автором: в результате того, что старый мир утоплен в крови, действительно выигрывают пролетариат и беднейшее крестьянство. И все складно получается. И Бог с ним, с парламентаризмом, если пролетариату и беднейшему крестьянству будет очень хорошо...

Л. С. Но они же не выиграли?

А. К. Даже и это мне сейчас хочется оставить в стороне. Мне хочется не поднимать историческую планку этого разговора, а вырыть психологическую яму и оттуда вытащить тот мерзкий корешок, из которого все выросло. Допустим, выиграли. Допустим, построено светлое будущее, то есть все работают одинаково мало и плохо, едят тоже мало и плохо, но одинаково. Вроде, все хорошо. Кто сказал, что нужно богатое общество? Кто сказал, что нужна парламентская система? Тем более, когда писалось про потоки крови, — я глубоко убежден — кровь пугала людей гораздо меньше. Точно так же, как в средневековые сжигание ведьм казалось совершенно нормальным делом, и детишки бежали на площадь и радовались. Это другие были люди. Но из чего же все-таки растет это все? Почему человек берется вести массы к светлому будущему нищеты и безделья, а кровь для него — лишь неизбежный побочный продукт, отход производства?

Мне ответ представляется элементарно простым. Если заповеди Христовы, Закон Господень считаются лишь одним из философских догматов, который может быть

оспорен, может быть нарушен, — тогда все, конец. Тогда готовый на это создатель политического учения намечает цель, и ничто не удержит его от того, чтобы устлать дорогу к ней трунами. И эта дорога не кажется ему хуже любой другой. Ведь заповедей для него нет — нет, значит, и критериев незыблемых. И все становится на свои места: буржуазии нравится парламентаризм, а нам, беднейшим крестьянам и пролетариату, нравится вот так: через потоки крови к торжеству светлого будущего. И Бог нам не указ, для нас его нет.

Как только идея богоборчества овладела этим обществом, или любым другим, так оно, то общество, прямым и безусловно идет к революции, к крови, которая не кончается никогда. Это было во Франции, это было здесь — прежде всего начинали бить «попов». Спрашивается, почему они не взорвали Зимний дворец, а взорвали Храм Христа-Спасителя? Да потому, что сама идея власти им была близка, они просто хотели власть переменить. А идея религиозная подвергала сомнению само их существование, и эту идею они потерпеть не могли.

Для меня самое удивительное: как в стране, где существовал Достоевский и где Достоевский был властителем умов, одновременно властителем умов мог стать его антипод и враг? Как христианская идея сосуществовала с идеей антихристовой? Как одновременно мыслями интеллигенции нашей властвовало и то и другое — для меня загадка.

У вас, помню, на радио «Свобода» был комментарий, который назывался «Соблазн революции». Соблазн здесь надо понимать в смысле библейском? Так вот, а я говорю уже не только о соблазне революции. Я говорю о соблазне цели, именно соблазне в библейском смысле. Как только человек решает, что он должен достичь цели, что его жизнь должна быть подчинена цели, что он ее должен достичь и, того хуже, привести к ней других, возникает соблазн, дьявольский соблазн. И тогда до сакраментального «цель оправдывает средства» уже недалеко. Цель ведь уже этимологически нечто большее, чем все остальное, правда? Все — только движение, а там, впереди — цель. И несем-ся к цели по головам, сначала чужим — буржуазии, низшей расы, иноверцев — а

потом просто друг по другу, уже без всяких различий формальных.

И тогда все одинаково — что парламентские дебаты, что красный террор — но лучше террор, чтобы быстрее к цели.

Л.С. Почему при Достоевском, при Толстом, при этих властителях дум и духовных лидерах России, возможен был Чернышевский, который в свою очередь «перепахал» сознание Ильича, и почему в конечном счете победили идеи двух последних — это, конечно, важнейшая проблема. И вы правы, что связана она с богоборчеством. «Бунтом жить нельзя», — говорит главный бунтарь Достоевского Иван Карамазов, прекрасно понимая, что бунт — это разрушение человека.

Но я все-таки хочу вернуться к политическим реалиям. Я знаю, меня можно упрекнуть в антиисторизме — нельзя, дескать, оперировать цитатами из классиков марксизма применительно к дню сегодняшнему: нельзя ни в негативном, ни в позитивном плане. Но дело не в цитатах. Их можно было бы и не вспоминать, не приводить. Дело в способе мышления, в качестве и свойствах интеллекта сегодняшних политиков. Ленинизм у них в крови, на нем они вскормлены и вспоены, и способ думать «по-ленински» — это вовсе не рубашка, которую можно сменить. Я бы сформулировала даже четче: ленинские принципы борьбы за власть и построения государства мне представляются наиболее деструктивными сегодня. Но хочется увидеть силы идеологически, мировоззренчески конструктивные.

А.К. Мы разговариваем сейчас, очень точно распределив роли. Вы выступаете как историк общественной мысли. А я вступаю с абсолютно безответственных позиций человека, занятого только собой. Я все-таки беллетрист, сочинитель, мне не слишком близки наши общественные науки. А этим распределением ролей продиктовано и распределение позиций. Почему я думаю, что поиск деструктивных и конструктивных сил одинаково важен? Даже более жизненно необходим поиск деструктивных. Потому что они страшнее... При нашей как бы разности мы все примерно одинаковы как люди очень унифицирующего общества. И Горбачев, и Гдлян, и Собчак... И мне достаточно в себя посмотреть, чтобы увидеть, какие чудовищные деструктивные силы бушуют в нашем

обществе. Чудовищные. Но раз они есть, то должны проявиться. Другой вопрос: если у меня руки с горла снять, то вряд ли я выйду на улицу с автоматом. Если меня не давить, я не взорвусь. Это же очень просто. Как только общество перестает вызывать из меня, требовать в действие деструктивные силы, так они и гаснут на уровне подсознания.

А общество каким должно быть, чтобы эти силы не вызывать? Вот я и плохой, и хороший — как же меня сделать получше? Может, так: если у меня есть желание марать бумагу или холст — значит, мне нужно дать возможность делать это свободно. А если я человек, имеющий достойную склонность не песни петь, а землю пахать — дать мне собственность, сделать меня собственником. Обывателем настоящим. Чтоб я, как европеец, мыл асфальт перед своим домом. У меня есть склонность к умственному труду, к тому, чтобы этим людям, которые пахут и строят, предоставлять помощь или развлечение умственное — дайте мне возможность это развлечение им предоставлять. Они мне платят — я им песни пою. Они собственники — я их наемник.

Л.С. Но кто же не хочет закона о собственности? Кто боится своей клумбы перед своим домом? Кто клянется всем ленинским наследием, что допустить частную собственность — значит выпустить из бутылки джинна мелкобуржуазности? Кто держится за строй, где все работающие — пролетарии, которым нечего терять, кроме...?

А.К. Кто не хочет? Люмпены. Люмпены всех рангов.

Л.С. Закона о собственности не принимают не люмпены, а власть имеющие. Они не люмпены.

А.К. Как же они не люмпены? Они люмпены, и именно люмпены. Один умный человек сказал, у нас в стране батрацкая психология от последнего нищего до... Они люмпены. Они выражают интересы люмпенов. А кто такие, как не люмпены, люди, которые хотят иметь госпак, госдачу, и все гос, гос, гос... Не свое!

Л.С. Ну, почему? У них и своего полно. Вы вспомните Живкова, Чаушеску, швейцарские банки... А сейчас они выкупают госдачи за мизер какой-то.

А.К. Напугались. Но в принципе им было очень хорошо — люмпенам. Люм-

пены внизу и люмпен-фюреры наверху.

Л. С. Все правильно. Но меня мучает одна мысль: люмпенская политика, идеология и психология победили в 1917 году в такой великой стране, какой была Россия. Бездарная, никчемная, пагубная идея, несмотря на всю ту духовную культуру, которая была и которая предупреждала об опасности, все-таки победила, разрушив все структуры, в том числе и собственность. Соблазн этой идеи велик и сейчас — поддаться ему тем легче, что опять огромному большинству людей нечего терять. Идея «справедливого» дележа имущества так или иначе сквозит в умах и сердцах. Нет идеи популярнее, чем эта, в массовом сознании. Но вспомните, как писал М. Волошин:

Когда из пламени народных мятежей
Взвивается кровавый стяг с девизом:
«Свобода, братство, равенство иль
смерть» —
Его древко зажато в кулаке
Твоём, первоубийца Каин.

Как перестать нам всем быть люмпенцами, как сдать в музей Революции кровавый стяг мятежа?

А. К. Чтобы из меня и из другого ушел убийца, нужна не просто демократизация, а приватизация жизни. Приватизация жизни, приватизация собственности, приватизация умственной деятельности. И при этом, естественно, должно существовать то, что называлось общественным договором, должна существовать некоторая государственная структура, которая будет создавать полицию, защищающую меня от проявлений криминальных, от социальной патологии, будет содержать минимальную армию. И все. Это кажется настолько простым — то, о чем я говорю... Это печка, от которой можно танцевать: свобода как первооснова общественной жизни. А чтобы эта свобода не стала снотва свободой убийц, не сработала против созидательного начала в человеке — должен быть в ее основе, в фундаменте запрет: не нарушать Закон Господень.

Сейчас мода на религию — пока, увы, в основном мода — мне нравится, потому что, может быть, придут и к настоящему пониманию. К пониманию, что заповеди

Христовы — это основа жизни, добра, а нарушение их — это основа смерти, зла. А без этого понимания религия — это государственное православие, с которым мы уже один раз влетели в пропасть. Было у нас государственное православие, а что случилось меньше, чем через год после его «отмены»? Кто пошел купола срывать? Потому что государственная религия была, а не прочная в общественном сознании религиозная идея.

Л. С. Но тогда перед каждым человеком встает проблема выбора собственного политического поведения — соучастия или неучастия в том, что называется властью. А все лучшие люди нашего времени в ней уже соучаствуют или стремятся это сделать, чтобы отстранить или не допустить оппонента. Насколько я понимаю, власть — это не ваш выбор и не выбор героев ваших сочинений. Почему? Ведь если есть хоть один шанс победить многоголовую гидру люмпенского государства, надо бы идти и выставлять себя, ну, хоть в кандидаты, то есть, как говорят, бороться, драться.

А. К. Понимаете, для меня принцип, что «добро должно быть с кулаками», то есть борьба за добро методами зла — неприемлем. Человек, вставший на этот путь, терпит в конечном счете либо физическое, либо моральное поражение. Об этом много в моих сочинениях, не только в «Невозвращенце». Я считаю, что если литератор что-то может сделать для наших порядочных людей, решившихся бороться за власть, то только вот это: все время стоять чуть в стороне и своими средствами напоминать о Боге — о Боге в душе, о добре. Чтобы они помнили, за что они дерутся и хотя бы не дрались без правил.

Л. С. Ваш выбор я целиком разделяю. Но меня очень мучит тот выбор, который делает ваш герой из «Невозвращенца». Он выбирает между подлостью и хаосом. Не желая быть мерзавцем, выбирает кровь. Но тогда рушатся все наши представления о приоритетах — пусть будет все что угодно, лишь бы не было крови, лишь бы не было этого ужаса и хаоса. А ваш герой — он все-таки выбирает гражданскую войну, выбирает вариант, когда все летит к черту, все рушится — лишь бы ему не жить в мире лжи и подлости. Но насколько нравственен этот выбор? И даже проще: насколько он практичен в смысле избегания

подлости? Неужели Невозвращенец считает, что когда он идет с автоматом как бы один на один, он выбрался из ситуации подлости? Неужели он думает, что в ситуации войны всех со всеми эта подлость отсутствует? Мне кажется, что в грязи и крови гражданской войны она-то как раз и расцветает, хотя бы потому, что не надо носить маску и соблюдать приличия. Получается, что состояние гражданской войны лучше потому, что честнее, прямолинейнее и т. д.

А. К. Я написал — плохую или хорошую, «скрытие покажет» — но литературу. Это повесть о человеке, а не предложение политического, философского решения проблемы. А человек так устроен: его держат, держат за горло — тогда он достает нож. Он что, ангел? Он поступает, как свойственно человеку. Когда его загоняют в угол, он забывает христианство, он начинает кусаться. Это точно. Либо он святой. Но мой герой не святой, он нормальный человек.

Нам все время доказывают: в нестабильность общество подталкивают «Демократический союз», радикалы, националисты... А я думаю, что нас в гражданскую войну толкают те, кто хочет, чтобы все осталось как есть, как было. Если к моему Невозвращенцу приходят эти ребята из «редакции», которые так названы исключительно для художественности (каждому понятно, что это КГБ) и достают-таки настолько с вербовкой в стукачи, что он бежит в гражданскую войну, то кто его подтолкнул к этому выбору? Они! Кто может подтолкнуть к этому выбору общество? Те же структуры тоталитаризма, которые сохранились, сохраняются и борются за самосохранение. Нельзя загонять в угол ни человека, ни общество.

У нас недооценивают сейчас роль структур тайной власти. Явная власть может сдаваться, может не сдаваться, может бороться, ее видно. Гидаспов может обращаться к рабочим — это все явно. Но есть тайная власть, которая не сдается, потому что никто на нее не может выйти напрямую, назвать — она тайная.

...Для меня ответственность всегда существует двоякая. Существует ответственность историческая, например, кто виноват? А есть ответственность человеческая: кто плох? Вы понимаете, что это не одно и

то же. Кто виноват? Виноваты и те, и другие. Может, даже те, кто не отдал, больше. Как иницирующая сила. Но кто плох? Те, кто отбирает. Потому что они неизбежно становятся убийцами. Но я лично, как всякий человек, могу совершать поступки, трудно мотивируемые моей моралью. И мой герой тоже. Да, знают, что насилие — плохо. Но идут на это...

Л. С. Значит, все по разным причинам, и даже вы, человек христианской культуры и веры, тоже выбираете гражданскую войну в такой ситуации?

А. К. Не выбираю — я представляю. И эти представления заносу на бумагу. И, может быть, тем самым от этого в себе освобождаюсь. Но не все имеют такую возможность — написать и освободиться... Вы говорите — это противоречит моему христианству. Но христианин — это не значит святой.

Л. С. Но тогда мы упираемся в софизм, решить который не могли мудрецы всего мира. Зачем Бог создал такого первочеловека, который был способен восстать против Бога? Зачем? Это бессмыслица. Это дьяволов водевиль.

А. К. Дьяволов водевиль, или, как говорят материалисты, диалектика добра и зла. Но в этой диалектике — дело человека, если он человек, не отрицать наличие зла, но и не утверждать, что добро не существует. А сознавать: да, зло и добро есть, и я буду стремиться к добру, бежать от зла. А не бороться со злом, потому что борьба — это и есть зло, и никакого добра от этого не выйдет. Существует возможность поддерживать добро, не уничтожая зла злом, а нейтрализуя зло, уравновешивая его силу.

Если вернуться к нашей политической жизни — имеется реальная сила люмпенская; значит, необходимо создавать и оформлять другие политические силы. Партия хозяев, партия интеллектуалов-демократов — как угодно... И продолжать, завершать демократические преобразования общества тоталитарного в общество свободное.

Л. С. Значит, если возвращаться к теме политических прогнозов, наш путь, говоря метафорически, от Октября к Февралю?

А. К. Совершенно правильно, если такое движение во времени возможно.

ДИТЯ ЗАСТОЯ

АПОЛОГИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Глеб ПАВЛОВСКИЙ

Русское нравоучение — историческое ли, политическое — заключено в естественный треугольник: Порицания, Апологии, Повествования. Интеллектуал, выступающий в роли нравописателя, бичует нравы, как Фонвизин, полирует *status quo*, экстраполируя его в вечность, подобно Алексею Толстому, — либо приподнимает покровы, неслышно пронося повсюду, аки бес Лесков.

Сегодня, кажется, обесценено все это дело. Шеренги недавних певцов порядка, переделанных в диссидентов на жалованьи, обличают все кряду; похоже, все уж и обличили. Как всегда в этих случаях, обличительный пыл приобретает тона доноса: тот-то не перестроился! Такой-то не ликует с нами! А вы, да, вы, — чем занимались в годы застоя?!

В те самые «годы застоя», то есть во времена напряженной внутренней выработки, какой Россия не знала с эпохи «замечательного десятилетия» 1830—40-х, утвердившего главные линии русской культуры, во второй золотой век ее, в 1960—70-е, замкнувшие нравственный организм нашей истории явлением **свободного русского человека**, уже не в единственном числе Александра Пушкина, но плея-

дой личностей и судеб, соцветьем твердейших характеров, возросших на небывалой для страны идее ненасилы (потому и назвали их — отщепенцы), — в одной из статей, страничек в пять скверной машинописи, автора которой после долго разыскивали, я вычитал злые, запомнившиеся слова: «И на пороге грядущего дня я вижу сытое мурло, развалившееся перед телевизором с «Архипелагом ГУЛаг», купленным в газетном киоске, скучающее в ожидании трансляции из Дома Союзов показательного процесса над «сталинско-брежневскими заговорщиками».

...Тебя бы и теперь сыскали за такие слова — думал я, читая в прогрессивнейшем еженедельнике донос на заключенного замминистра, убравшего руки из-за спины вопреки правилам тюремного распорядка. Донос иллюстрирован (что ново для нас) верно: руки подконвойного в карманах — в карцер сталиниста!.. Еще новей, что доносы печатаются вперемешку с Розановым и Анной Ахматовой и что авторы их клянутся всеми святыми интеллигента, от Чаадаева до академика Сахарова...

Но могу ли я сказать, что мы такого не ждали?

ИЗГНАНИЕ БЕСОВ

Когда Александр Блок в пушкинской речи приравнял Белинского к Бенкендорфу, это не была всего лишь шпилька большевикам. Блок предупреждал об угрозе Пушкину, исходящей из самой русской культуры, из ее тяги к идейному автодиктату.

Ибо Пушкин совершенно отбросил единый масштаб, строя свою Россию лиц и характеров, **разнообразную** Россию, принципиально не сводимую ни во что одно: обстоятельство, по сей день отрицаемое русской культурой. Отброшенный Пушкиным принцип единства она подобрала и, обратив в мумию, установила во главу угла. И все последующие идейные интерпретации рассматривают жизнь как криминогенное начало, видя в свойственном ей неединстве причину исторического зла, если не само зло.

В семидесятые годы интеллигенция окончательно раскололась, совершив массовый побег из русского языка и культуры, мучимых загадкой Сталина. Последняя состоит в том, что по причине, нам до сих пор неизвестной, свободный народ не восстал, когда его погнали на бойню.

Чем бы мы ни отделывались от этого стыда, для субъекта русской культуры это тайна на вечные времена: как смели они не восстать, читая Пушкина и говоря по-русски? И этот грех остается в составе русской культуры вместе с Пушкиным отныне и навсегда.

Вариантов личного поведения здесь, собственно, два: принять вызов — либо скрыться от него в удобную идеологию зла. Для второго необходимо оболгать собственную историю, смыть с рук ответственность, а с лица — лицо, и вернуться в родную историю с нарядом сыщиков и криминалистов. Зато, упрощая злодея до милицейской уголовщины, мы

и последнюю понимаем по-сталински — эх, недобили, ушел гад!.. — и закономерно растворяемся в обилии ролей, положений и средств власти, в ее антропологии и языке.

Что и произошло. Вслед за смещением Александра Твардовского из «Нового мира» произошел бесшумный антропологический сдвиг и выбор внутри русской культуры, когда большинство интеллигенции сплотилось вокруг власти как единственного спасения от зла разнообразия, зла исторической неожиданности, зла человеческой природы. Человек был оболган именем безопасности. «Мы не дадим больше себя лихорадить!» Ожидалось, у государства достанет силы прекратить время, пресечь историю и, стерилизовав человека, его удовлетворить. Ради этого как не выдать было на съедение инакомыслящих?

Но к середине 80-х утопия построения санатория в отдельно взятой стране провалилась. И большинство прокляло власть (назвав ее аппаратом) за то, что история продолжается, курортный режим нарушен и человек, как древле, опасен и разнолик. Государство винят в том, что оно не смогло либо не захотело внять консульгантам и до конца извратить человеческое естество: человечество — сплошь «коррупированные группы», а люди — «бесь», бунтовщики хуже Пугачева (по справедливому замечанию государыни Екатерины Великой).

Булгариных на зарплате сменили Чаадаевы по 300—500 с листа, рассылающие одну горькую правду в дватри еженедельника одновременно, не успевая собирать гонорары по пути в Шереметьево-2. В лицо налогоплательщику летит стих, «облитый горечью и желчью», назначавшийся в другой адрес, и главное — краденый у мертвеца стих. Подлая сме-

лость 80-х — негатив подлой трусости 70-х — смелость гуртом и гурьбой, по свистку, с единственным позволением себе: быть более жестоким, чем власть. Но правда ли, что преодоление Сталина происходит сегодня путем доноса на сталинистов, а не состоялось вчера по слову: «Мы не умрем, но изменимся?»...

ОТКРЫТИЕ ЗЛА

Судьбу и взгляд моего поколения определил ритм отлива и прилива зла. Мы росли во время его отлива, принимая теплое обнаженное дно за обычное состояние мира, и только-только подросли, как осознали страшный факт — некогда бывшего прилива, в этих же людях, в берегах этих же, родных нам вещей и понятий!..

Выросшие без жабер, мы поняли, что реальность способна изменить. Вещи приобрели тень, и в этой тени предстояло жить дальше. Мы понимали, что в самые страшные годы страны — годы-символы, годы-иероглифы, как 30-й, 37-й.. — когда пытали, убивали, стан шел на стан, и исчезали оба — а взамен выскакивали гомункулусы с университетскими значками — верткие и гладкие умом человечки... шла другая, совершенно родная нам человечья возня. По улицам грохотали не одни воронки, а и телеги, и воробьи исследовали свежий навоз, исклевывая оттуда овсинки, как дотошные их современники-следователи — собственных болтливых родичей. Но подобной жути, конечно, никакой воробей вообразить бы не мог.

Мы листали книжки двадцатых годов, где было написано «Земля и фабрика», и была шестерня, которая еще умела вертеть.

Мы ступали Коминтерновской до переулочка Марата...

Мы растопыренной пятерней проводили по белой доске с сентенцией — по метеориту революционного времени, засевшему в стене дома «модерн», что против редакции «Нового мира»: **ВСЯ НАША НАДЕЖДА ПОКОЙТСЯ НА ТЕХ ЛЮДЯХ, КТО САМ СЕБЯ КОРМИТ.**

...И не могли понять: у них все было — как же они потеряли все? Как они стали настолько ничем, что выживали, соглашаясь скармливать друзей чудовищу?

Начиная с какой ошибки?..

И приходило странное чувство веревочки, что вилась от старых улочек, домиков в полтора этажа с присудебной заплаткой, с окнами, защищенными вместо решеток спинками старых кроватей, песен Дунаевского — к платоновским задворьям в лопухах и счастье, уже несколько жутковатом, к Мандельштаму («а перелучки чадили керосинкой, глотали снег, малину, лед...») — и ясности, что Сталин начинался тут же, плоть от теплой этой плоти, начинался, как духовой марш, издали, молодцеватая выправка, простая одежда, Пушкин в издании на желтой бумаге и нелюбовь к «э-э..батенька!»

Это странное сознание рождало одновременно и гордость, и ужас, и риск: до чего же мы для себя опасны! Это была наука себя уважать, а уважая собственную сложность, — не давать ее рушить!

Так это странное сознание становилось сопротивлением: не дать Злу прорваться через себя еще раз — а что значит не дать?

Мы рано поняли, что нет ничего опасней человека, — что перед ним любая бомба!.. Мы начали прислушиваться к себе, и вовремя различили тихий поначалу, вежливый стук из глубины: то возвращалась в души, к себе домой и просила ее пустить — ненависть!

Вскоре она стала настойчива, она

укоряла, она сообщала страшные и разительные вещи, она доносила на историю, на человечество, на наших родителей — она просила дать ей пальнуть еще разок.

Если что-то сделало наше поколение — оно остановило и лет на двадцать задержало возвращение ненависти, дух которой сегодня — отвратительный смог дрожи, страха, пота и справедливости — встает над страной, и мы встречаем его, как глядят на закат фигуры с картин Каспара Давида Фридриха: в бессилии, но в ясном сознании пушкинского коменданта: ты мне не государь. Ты, батюшка, вор и самозванец.

НАСЛЕДНИК СТАЛИНА

Я родился при конце жизни того, чей портрет еще припоминаю висевшим над телевизором и оттиснутым на обложке свежего номера журнала «Пионер», в эмблематическом ореоле лучей.

Газеты были желтого цвета, они состояли из руководящих статей с заголовками в две строки, фотографии на второй странице, карикатуры на третьей: империалист с носом-бомбой. Для полной ясности на бомбе писали А, то есть «атомная», и с нее свисала сосулька: сосулька также утвердил Агитпроп.

Что было в той жизни твердым? Что могло обещать в ней силу будущего сопротивления ее ставленников и выкормывшей? Что сулило декабри у Пушкина, движение 70-х, самиздат?..

Лозунги на фанерных листах, в бронзовом багете?

Памятники — если надо, испаряющиеся к утру фиалковым дымом, взлетая на воздух бесшумно, как воздушные шарик, но в отличие от шариков по ночам? Церкви, которым давали, из милости, побыть спортивными залами?

На Соборной площади не стало собора, на Екатерининской — памятника Екатерине, и хотя она давно была не Екатерининская, а Маркса, — даже Маркс, в гражданскую установленный, рухнул в таргарары вслед за императрицей.

...Говорят — нас лишили религии. Но религия есть связь с тем, что тебя основало, с тем, что тебя хранит и спасает, исходя из чего ты живешь. Тогдашняя жизнь была какой-то толчеей связей. Все приоткрывалось друг другу, из-за угла глядело и дышало в лицо, хотя отнюдь не было безопасным. Но то, что площадь «Красной армии», или как бишь ее там... никто не звал иначе, чем Соборной, — нам детям вполне заменяло собор. Дверь с табличкой «Часовщик Лурье» я пробегал, спеша к трамваю, хотя этого Лурье давным-давно увели и убили немцы, а табличка спаслась. Литая, крепко вросшая в дубовую дверь, она чем-то нравилась новым жильцам. Мир рассказывал о себе ребенку, томля воображение былями упраздненных историй.

Наша квартира была подвал, с фасада корчивший себя бельэтажем, и трамвай долго тряс каждым из наших стекол. Дворик наш был какой-то ковчег. Сверху жила семейка фольксдойче, благополучная и при немцах, и после их изгнания, рядом — рабочая семья, главу которой до войны увели с завода.

Коридор, соединявший эти чуждые гнезда прогнул, в нем зияла дыра с разлохмаченными краями, остро пахнувшая паклей: жилец сверху однажды провалился к нам в кухню. Дыру обходили, заделывать ее было некому: единственного мужчину, молодого парня — виновника этой смешной истории — через неделю забрала милиция. Он связался с одной из молодежных шаяк, какие были в те годы хозяевами своих улиц. Увидел я его

почти стариком, сам кончая университет.

Здесь пропадали из дому чаще, чем умирали, — и дворик пустел, только старухи крепко держались за свои клюки, свои скамеечки.

Там был бульжник, но не асфальт, и в бульжинах застревали приметы событий, как мясные волокна в зубах пообедавшего. Мы извлекали оттуда оловянные пуговицы, подковные гвозди, даже пули, ради которых, собственно, велись раскопки. Все было утоптанно, и все проникало друг в друга, — в то же время мельчайшие детали и косточки времени, подобно плюсне, различались и нетребовательным взором. То был вечный кавардак вещей, вещей и штукечек, просто каких-то хреновин. От сырости отваливалась штукатурка, и проступало слово «москатель...» А уж следами осколков — едва ли не с гражданской войны — изрыта была любая стена...

То была именно religio — связь с прошлым, с человеком, с его миром. Связь, которая спуталась, но еще не оборвалась. Старые газеты были подклеены газетами времен оккупации и гражданской войны. Руины под самыми нашими окнами разбирали лет пятнадцать, наконец пустив завод по производству мороженого. Рядом стояла церквушка — крохотный крепкий новодел конца века, не имеющий ровно никакой архитектурной ценности. Там шла служба по вечерам, пока мы клячили мороженое у работниц. Соседство было недолгим: церковь закрыли вскоре как пустили фабрику, — но церковь был еще и восстановленный базарный зал.

Полстены зала занимала фреска: колхозницы доят коров. Бидоны в траве, как живые, коровы, как живые, и очень счастливые: их доят. Когда в первом классе соседка по парте обозвала другую «колхозницей», учительница взорвалась: да кто тебя кормит маслом? А всех нас — кто кормит?!

Та в слезы, класс притих — это был урок...

В школе, где я учился, до революции была гимназия: и моя бабушка, девочкой-цветочницей, бегала сюда с заказами. Лестницы школы были мраморные, широченные, с зеркалами в пролетах и с пальмами в кадках, как в Зимнем. По таким в фильмах бежали матросы. Я жил в городе, который только что взяли, — взяли, чтобы в нем жил я.

Говорят, будто мы жили вне истории, в разрыве традиции, — что за чепуха! Во дворе, куда мать принесла меня из роддома, спокон веку стояли ворота. Раз в пять лет их красили половой краской, и, сколько я помню себя, ворота никогда не закрывались...

Их просто невозможно было закрыть! Вековые наплывы краски окаменели и были такой толщины, что мне ни разу не удалось доковыряться гвоздем до основы. Мы рисовали по краске мелом — рисовали звезду, рисовали тогдашний знак зла — свастику или «американский знак» (\$), и все это в свой черед закрашивалось, погребенное под красно-коричневой скорлупой. А в недрах той скорлупы, если покопаться, нашлось бы и «Вся власть советам», и «Смерть жидам!» времен оккупации...

Эти ворота — сама традиция. Около них, в их тени, я провел в два раза больше лет, чем в университете. Что с того, что их нет больше в том переулке, да и переулка попросту нет? Просто лег сверху еще один слой краски, и частью сознания я принадлежу своему слою, облекая призрачный остов.

Традиция есть детство, растущее в язык. Это мальчики, рисующие свастику и звезду, заглаывая Робинзона Крузо под бубнеж Хрущева с экрана: будет вам и белка, будет и свисток! Это невинность, вскормленная кровью правых и виноватых, и нерушимый обет ребенка наследовать всем им.

Это тра-та-та из фильма «Чапаев» в восприятии Тома Сойера: роковой холодок от сцены психической атаки, где **те и эти — свои**.

Революция совершена. Ее герои, ее жертвы, ее противники превратились в **мертвых**. А мертвые принадлежат всем. Убежденность в том, что Россия уже есть, сделана, состоялась, порождает не ненависть, а мир как соединение разного, вместилище нераздельных противоречий.

Нет вражды к мертвецам. Они страшны только неуверенным, только не убежденным в том, что Россия есть.

Спустя тридцать лет, неволей живя на Севере и слушая Би-би-си, я вдруг набрел на воспоминания русского литератора о начале пятидесятих: живопись души, покинутой среди ужасов и «ужасиков» той эпохи, как он их называет. Странно, подумалось мне: время почти одно — кто из нас прав? Ведь и я помню опаску, с которой рассаживались в актовых залах, под трибуной карельской березы и президиумом красного плюша. В театре жизни играли «Макбета», и в президиуме сидел он, лично товарищ Макбет, — взрослые жили непросто... Когда я родился, слово «отравители» еще было на устах. Безумие перекусило всех, грозя окончательно сомкнуться над миром, оно творило там «заговоры» и казни, там — войны и казни, там — военные блоки и снова-таки казни... Закладывались основы мирового порядка столь безысходного, что книга Оруэлла легко превратилась в бестселлер. Загляните даже в записки честных, светлых людей тех лет: кто пророчил взрыв планетарной махины, кто, не желая оригинальничать, толковал о картине мира после близкой войны, подготовка к последней охватывала весь строй жизни человека. Совесть призывали Немезиду на заблудившихся народы...

Но пара-тройка лет прошли, и мир не изменившийся, еще более преуспев и в вооружениях, и в пролитии крови, стал другим. Миллионы вышли на свободу, миллиарды получили отсрочку, которой дети их пользуются до сих пор.

Разнообразие зла — сродни разнообразию жизни; Сатана не может не разделяться — потому он непрочен, как и дитя его, зло.

И сегодня нам недостает не так сожженных книг, как порубленных семейных трельяжей, на которых импортная косметика дочки была б разбросана среди костяных шуточек, доставшихся от прабабки, и трофейного богемского стекла, вывезенного дедом из Пруссии.

Нам недостает **обжитого чужого**, притершегося, присоседившегося, лепящегося друг к другу, инородного, асинхронного и асимметричного. Ибо, как галька прибором, вещи, дома, нравы и обиход обкатываются лишь свободой: причем долгой свободой, нестесненной жизнью, вольностию ее причуд и нечаянностей. Мы уравниваем только через бульдозер, чтобы после, через несколько десятков лет, нам нечего было оплакать — нет и того бульдозера, который снимал старую жизнь и прежние вольности. Даже его, железного и бесчувственного, переплавили в лом.

Где церкви, поруганные революцией? — спрашиваем мы, — но и где памятники, ею установленные? Но уже о памятниках Сталину не спросишь — где они?

Жизнь вскармливала нас несуразимой обихода, приучала к пестроту. Портрет Сталина висел над дедовой тумбой, начиненной миллионом железных вещей и тяжкой, как орудийный ящик. На тумбе — телевизор, по которому я впервые смотрел «Карнавальную ночь» — светлый миф нашего детства. Хочу утвердительно сказать — то было одно из величайших

разрешений, какие получал послевоенный ребенок (родители обычно на все говорили «нельзя»). Газеты, хотя я и не читал их, видом и цветом и сплошьяком твердили то же «нельзя», а фильм нашептывал, пел, ликовал: можно! Теперь все можно! Страх — выдумка!..

И хотя старый портрет еще висел над новой сказкой (его сняли гораздо позднее), присутствие вождя при шельмовании собственных кадров в лице товарища Огурцова безболезненно принималось умом. Для ребенка это значило: правильно. Он одобряет.

ДЕТИ КАК ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО

«Каждый человек, — пишет Гегель, — появляется на свет среди своего народа и принадлежит его духу... Каждый индивидуум, поскольку он связан с духом своего народа, обретает с момента рождения веру своих отцов без своей вины и своей заслуги».

Твердь традиции не книги и не учителя, а ребенок.

Он самое прочное ее звеньшко, не раз вытягивавшее всю цепь из непролазного для политики и морали хаоса: притча о Моисее, водившем свой народ за нос по мизерной пустыне, пока не вымер последний из «прежних», имеет веские исторические основания. Деда рассорились насмерть и так давно, что забыли, когда и по какой причине, — помирить их невозможно. Отцы ладят, запутываются в компромиссах — внуки же «тех» ли, «этих» ли — не разберешь. И вот деда-победителя нянчат внучат победенных. Мертвые же вовсе не имут укоризны: их срам — наш общий срам.

В «Родной речи» моего первого класса тех лет, пока она сосуществовала с «Историей ВКП(б). Краткий

курс», сравнимая по тиражу, была притча Толстого о старике, посадившем яблоню. Ребенок получает мир, как яблоки с дедовой яблони, — без своей вины и своей заслуги. То и другое принадлежит лишь садовнику, детям же плоды как данность, как простодушие самой старой этой притчи. Кровь истории не подлежит оправданию, простить либо переступить ее невозможно. Оправдание приходит лишь в акте традиции — наследовании окровавленных начал детьми, для которых они «не проблема», — само естество, детская площадка, «Моя первая книга» и простор расти в ином направлении.

Казавшийся безнадежно порочным, расколотый и весь во грехе мир чудным, крепким яблоком падает точно в руки ребенка. «Звук осторожный и глухой плода, сорвавшегося с дерева...» переиначивает образ мира так, что все становится целым, внятным, близким. Своим.

А потом — биография, приобретенная своей вины и своей заслуги. Вектор жизни человека обратен ходу его лет. Съев яблоко Толстого, попадаешь в свалку исторических счетов, и чем вкусней оно было, тем четче и глубже катастрофа взросления, дающая личность. Желая сохранить этот вкус, я волочу с собой вместе с полузабытым роддомом на Комсомольской, бывшей Старопортофранковской, и современные тем годам чьи-то лагерные нары: трещину, которая навсегда с моим поколением, пока я не отрекусь от этого детства с полутемным двориком, с солнечным лучом сквозь ставни — и пляшущей в луче пыли, подобной народцу эльфов.

Оттуда вьется веревочка. Свободный от этого корня, лишенный его я вовсе не нуждаюсь ни в вине, ни в свободе; и незря: лишить человека родимого, доверительного отношения к времени — цель всех тираний. Ибо то был светлый мир зла, и тени его были

легки, снуя от окна к стенке, от бабушкиной печки к часам с тяжеленным маятником и к отповскому циркулю, сосредоточенному на безукоризненном ремесле. И чем, о господи, занималась листва, выпрядывая на потолке ковры из теней и солнечных зайчиков?

Жило пространство, и в пространстве этом было много воздуха. Мы им дышали. Я им дышал. Я справлялся с рамой на старинном вертикальном запоре, перегибался через подоконник, глядел и дышал.

«ДОКАТИЛСЯ!», ИЛИ АПОЛОГИЯ ЗЛА

После Освенцима — человек тот же или не тот?

После двух мировых войн, после Сталина — мы те же или другие?

А зайдем подальше: какими мы себя предпочитаем — робкими подбирателями падали и кореньев или небывальными хищниками, равно опасными для коров и друг для друга? Но ведь хищники воздвигли Акрополь, и хищники пошли за Христом.

Поэтому предпосылкой и условием демократии в этой стране кажется мне осознание — и признание — что ее прошлое состоялось, что великая и ужасная, созидательная часть ее истории кончена, — каждый является наследником и издольщиком этой части. Он свободный и полноправный носитель неделимого образа — единого и неделимого образа всей истории, он — каждый — государство в миниатюре, не часть его, а все целиком.

И с этой точки зрения тридцатые-семидесятые — не потеря, это при-

обретение. До Сталина мы не знали себя, мы были, может быть, и наивны, но наивны, как Каин до убийства Авеля, когда он еще и не убил брата, но был вполне готовый на это Каин. Мы приобрели прошлое, которого не имели, — прямо говорящее в совесть. Мы приобрели историю-правду, которая глаза колет. Главное, мы приобрели личность, которую так же нельзя запищать обратно в, может быть, и прекрасное, «серебряное», допотопное время, когда концы были не сведены. Когда Цветаева пела, а вдали от Питера офицеры, читавшие Цветаеву, могли резать казахов, насиловать казашек, — мало кто «от анархистов до монархистов», обращал внимание на такие пустяки.

Представим себе ряд.

Хлодвиг, Фома Аквинат, Людовик IX, Марат, Наполеон, Гюго, Сент-Экзюпери... Ничего особенного: имена из истории Франции.

Другой ряд: Ольга, Грозный, Никон, Алексей царевич, Пушкин, Павел I, Николай II, Флоренский, Ленин, Ахматова, Сталин, Мандельштам, Бухарин, Булгаков... Безумный перечень! Невозможный список!

Но только когда запятая между именами перестанет нас шокировать, мы догадаемся о существовании такой реальности, как история России.

Умели читать агитки Бедного Демьяна и витиеватые комплименты Алексея Толстого властителям? Умейте жить в России Сталина, Флоренского, Хрущева и Мандельштама. Невообразимо?

Придется вообразить.

Левша — политик

В принципе, обозначение левый и правый все в мире понимают без разъяснения, но определить его невозможно. По сути оно бессодержательно, какое бы мы учение или настроение не взяли: атеизм — клерикализм, антисемитизм — филосемитизм, оптимизм — пессимизм, авторитаризм — демократия, рационализм — традиционализм, по всем этим вопросам внятно и определенно отделить левых от правых невозможно. Это очень легко доказать, да и человек, хотя бы поверхностно знакомый со Всеобщей историей, этих доказательств и не потребует.

Как писал западногерманский историк С. Хаффнер, «все, что было 100 лет назад левым: республика, демократия, разделение властей, права человека, свобода печати, свобода торговли, теперь — правое. Что тогда было правым: автократия, дисциплина, цензура, государственная экономика, закрытые границы, теперь — левое». И сегодня обозначение «левый — правый» дается по формальным признакам: коммунист — это левый, консерватор — это правый,

даже если консерватор — это вчерашний либерал, а коммунист укрепил у власти нового царя. И тем не менее, мы продолжаем пользоваться этой дефиницией «правые-левые» и определенно знаем: за ней что-то есть...

С. Хаффнер высказывает предположение, что обозначение «правые — левые» произошло от человеческих рук. Правая рука — это рабочая рука, практическая рука, левая — теоретическая рука, менее занятая и менее ловкая, если ее потерять — это меньшее несчастье. Но она не лишняя, она нужна. Если это перенести на политику, то правые во многих странах чаще и дольше правят, чем левые. Настоящим местом «левых» является оппозиция — это и есть ее настоящая функция. Политика левых всегда «безрукая», практическую работу делает правая рука.

Если следовать этой логике, то у нас в стране в свое время правую руку попросту отрубили. И стали работать левой.

Левой мы и размахиваем по сей день.

Олег ПЛЕНКОВ,
г. Ленинград.

(Окончание со стр. 26)

ее схемы и структуру. Такая иерархия, в своей очищенной от идеологии идее, сможет, вероятно, стать прототипом — позитивным или негативным — в будущей системе управления миром, становящимся целостностью из национальных государств.

Мы в СССР смоделировали (и еще смоделируем) все возможные конфликты в транснациональной системе власти, продемонстрировав все ее

возможности и пределы. При этом пролились (и еще прольются) реки человеческой крови. Может быть, наш урок позволит будущему объединенному Миру избежать многих и многих авантюр, ошибок и бед. В этом смысле, опыт создания, функционирования и начатого перестройкой демонтажа идеологизированной сверхдержавы для Мира бесценен.

И надеюсь, неповторим.

Бюллетень «Век XX и мир» № 4 (на русском языке), ежемесячный.

Напечатано в СССР. Типография изд. АПН. 107005. Москва, ул. Фр. Энгельса. 46.

Сдано в набор 15.02.90. Подписано в печать 12.03.90.

Заказ 845. Объем 3 п. л.

Отпечатано в типографии № 6. Тираж 218.300 экз.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■

■ XX CENTURY AND PEACE ■

■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

